

А. И. УТКИН

Дипломатия Франклина Рузвельта*

<Фрагмент>

Говоря о времени президента Рузвельта, трудно найти в истории параллель столь быстрому возвышению одного государства — от квазиизоляции до доминирования едва ли не на двух третях земной суши. Материальные предпосылки такого броска Америки к могуществу складывались многими десятилетиями: первое место в индустриальном мире было достигнуто уже в конце XIX века, затем в ходе Первой мировой войны США превратились из должников европейских держав в их кредиторов. Могучий рывок в 20-е годы сменился стагнацией тридцатых, и вот, наконец, пятилетие Второй мировой войны в полтора раза увеличило и без того весомый потенциал Америки.

Реализовать этот потенциал на мировой арене поколению Рузвельта оказалось непросто. В первые годы правления Рузвельт был связан изоляционизмом, боязнью своего класса, напуганного опытом Версаля, перенапрячь силы в борьбе. И европейское соперничество 30-х годов, и начало Второй мировой войны были встречены в США с большой настороженностью. Ясно было, что впереди жестокая борьба, и далеко не сразу правящая элита поверила в начало «века Америки». Насколько мрачны были перспективы положения США в мире, можно судить по прогнозу Объединенного комитета начальников штабов. Этот высший военный орган США, ответственный за выработку американской

---

* Впервые: *Уткин А. И.* Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1990. Печатается по этому изданию. С. 3–10, 11–78. — *Примеч. сост.*

стратегии, не исключал возможности поражения США в войне и даже потери ими независимости. В параграфе восьмом документа, подписанного в середине 1941 года председателем Объединенного комитета начальников штабов генералом Маршаллом и адмиралом Старком, прямо говорится о вероятности такого развития событий. «Если Германии удастся покорить всю Европу, она может пожелать затем установить мир с Соединенными Штатами на несколько лет, чтобы закрепить свои завоевания, восстановить свою экономику и увеличить свои военные силы, с тем чтобы в конечном счете завоевать Южную Америку и одержать военную победу над Соединенными Штатами. Весьма вероятно, что в течение такого периода “мира” Германия будет стараться подорвать экономическую и политическую стабильность стран Южной Америки и создать марионеточные режимы, благоприятно относящиеся к закреплению на этом континенте германской военной мощи. При этих условиях у Германии будет больше шансов разгромить Соединенные Штаты».

Паническое восприятие будущего не было всеобщим. Крупные политические силы внутри США буквально проснулись от открывающихся перспектив. В Вашингтоне постепенно стали отходить от прежнего провинциализма в мировой дипломатии.

Если говорить об объективных обстоятельствах, то этап мирового восхождения начался для Соединенных Штатов в мае 1940 года. При этом сама Америка, скованная законодательными путями изоляционизма, была относительно пассивна. По существу, путь к гегемонии в капиталистическом мире ей прокладывали соперники. В середине месяца окончилась «странная война», дрогнул западный фронт, немецкие танковые колонны прошли через бельгийскую границу, клещами сомкнулись севернее Парижа, повернули на юг и загнали правительство Петэна в Виши. Случилось необратимое. Западная Европа стала терять свое место центра мирового политического влияния. В течение трех недель рухнула французская империя, исчезли как силовые узлы мира Голландия и Бельгия, вся энергия Великобритании обратилась на самозащиту. Победа нацизма в невероятно короткие сроки изменила и политическую карту мира.

Смогла бы огромная экономическая мощь США реализоваться в политическое влияние без этого мирового катаклизма? Возможно, но для этого нужно было бы преодолевать сопротивление европейских силовых центров, пытавшихся в период между войнами

модернизировать связи со своими колониальными империями. Стечение обстоятельств было как нельзя более благоприятным: одна европейская империалистическая коалиция сокрушила в 1940 году силы другой, сломав потенциальные преграды перед американской дипломатией. Экономика США встала на путь непрерывного пятилетнего расширения. Началось развертывание двенадцатимиллионной армии, строительство крупнейшего военно-морского флота, самой большой в мире военной авиации.

Но помимо объективных условий требовались и благоприятные субъективные возможности. Они связаны с именем Франклина Рузвельта, возглавившего плеяду интервенционистов в американской внешней политике именно в эти роковые годы.

Предпосылкой быстрого мирового возвышения было то, что федеральная власть под руководством Рузвельта получила необычайные полномочия и возможности. Напомним, что согласно конституционной системе США прерогативами высшей исполнительной власти наделено лишь одно лицо — президент. Во времена Джорджа Вашингтона, в условиях миниатюрного федерального аппарата, президент мог осуществлять свои функции (да еще и жаловаться на скуку, как это делал первый президент). Депрессия 30-х годов и начало мировой войны показали недостаточность аппарата исполнительной власти для решения новых масштабных задач. Акт о реорганизации 1939 года способствовал созданию исполнительной службы президента, что позволило хозяину Белого дома обзавестись такими мощными рычагами власти, как бюро федерального бюджета, служба экстренного управления и отдел военной мобилизации и реконверсии. Это дало возможность правительственной машине США приспособиться к колоссальным задачам нового времени. И весь огромный аппарат федеральной власти находился фактически в полном подчинении владельца Белого дома.

Разумеется, было бы непозволительным упрощением объяснять методы расширения американской зоны влияния в мире исключительно личностными особенностями нового президента. Однако и пренебрежение ими осложнило бы понимание данного периода. Ф. Рузвельт контролировал исполнительную власть более, чем кто-либо другой в американской истории, двенадцать с лишним лет.

Централизация процесса принятия внешнеполитических решений в годы президентства Франклина Рузвельта стала бес-

прецедентной. Это касалось даже самых важных стратегических соображений, таких, как проектирование послевоенного мира. Один из наиболее высокопоставленных дипломатов данного периода — «ветеран» государственного департамента А. Берль пишет, что в стратегических вопросах Рузвельт не доверял практически никому: «Если и существовал план построения послевоенного мира, то он умер вместе с Рузвельтом в 1945 году».

Такое представление о Рузвельте как почти единоличном творце американской дипломатической стратегии родилось далеко не сразу. Вначале был глубокий скепсис.

Политические противники Франклина Рузвельта некоторое время пытались представить его человеком неосведомленным во внешней политике, скрывающим импровизациями отсутствие ясного видения мировых проблем. Это никак не соответствует истине. Документы и мемуарные свидетельства говорят о противоположном. Всю свою жизнь Рузвельт впитывал зарубежный опыт и традиции американского подхода к внешнему миру. Он был в высшей степени сведущим человеком, сочетая обширные знания с подлинно творческой фантазией. Его «импровизации» — отражение его стиля, продемонстрированного как во внешней, так и во внутренней политике. Нежелание связывать себя четкими обязательствами, поиски конкурирующих между собой непосредственных исполнителей — все говорило о желании Рузвельта обеспечить за Америкой наиболее широкое поле действия в час «икс», когда мировая структура станет максимально податливой и сделает возможным пересмотр прежнего «европоцентрического» статус-кво в мировой дипломатии.

То, что Рузвельт персонально решал встававшие проблемы, подтверждено многократно различными свидетелями. Несомненным авторитетом в этом вопросе является военный министр Генри Стимсон (безусловно, фигура самостоятельная и незаурядная). В дневнике Стимсона мы находим: «Он желает все делать сам». В проведении отдельных дипломатических инициатив Рузвельт предпочитал не пользоваться традиционным механизмом госдепартамента, а выбирать помощников среди лиц, обязанных ему лично и готовых напрямую докладывать о своих действиях и соображениях.

Приведем эпизод, о котором рассказывает Дж. Макгрегор Бернс. В конце 1943 года поверенный в делах в Лиссабоне Дж. Кеннан (через два года ему пришлось сыграть заметную

роль в начале «холодной войны») постарался убедить свое руководство в том, что жесткое требование к Португалии предоставить аэродром на Азорских островах может антагонизировать Салазара и бросить Франко в объятия Гитлера. Прибыв в Пентагон, Кеннан участвовал в долгом и безрезультатном обсуждении проблемы со Стимсоном, Ноксом, Маршаллом и Стеттиниусом. Но Г. Гопкинс устроил ему встречу с президентом. Быстро войдя в суть проблемы, Рузвельт сказал, что напишет личное письмо Салазару. Молодой дипломат спросил, что делать с решениями комитета, из которого он только что вышел, и услышал: «О, не волнуйтесь по поводу всех этих лиц». В этом был метод Рузвельта. И он очень часто выбирал людей, занимающих не столь уж высокое место на служебной лестнице. Лояльность и прямые связи ценились им исключительно.

Под воздействием Рузвельта в федеральных ведомствах и во влиятельных общественных организациях выдвинулись сторонники активной внешней политики. И в госдепартаменте, и в совете по международным отношениям старые дипломаты ушли в тень, а новые стали мыслить категориями глобальных перемен как итога продолжительного мирового конфликта. Отметим важный момент: впервые в американской истории у руководства страны возникает невероятная умозрительная перспектива — взаимообессиливающая борьба вступивших в конфликт сил «грозит» вытолкнуть Америку на авансцену мировой политики и уже не в роли одного из равных (Версаль), а как единовластного распорядителя мировых судеб. Два обстоятельства предполагали такое развитие. Внешний мир ослабевал, теряя ресурсы, а Соединенные Штаты наконец-то оправались от депрессивных явлений в экономике, индустриальная машина Америки работала на полных оборотах.

Документы тех времен, плоды футурологических исследований госдепартамента, говорят о постановке новой для американской внешней политики задачи. Прежняя сводилась, в основном, к гибкой обороне латиноамериканского стратегического домена и азиатской колонии — Филиппин. Новая задача была связана с кардинальным переустройством мира. По мере того как война вовлекла в свою орбиту все крупнейшие государства — СССР, Англию, Китай, с одной стороны, и Германию, Италию, Японию — с другой, безопасное положение Америки, ожившие цеха ее заводов, паразитическое трудолюбие ее фермеров стали фак-

тором глобального масштаба. Американская дипломатия резко трансформировалась Рузвельтом. Неоспоримо, что в ходе войны идеи мирового преобладания прошли путь от первых «невероятных» проблесков до закрепившегося в сознании рузвельтовского окружения стереотипа.

Рузвельт уже в 1940 году отдал приказ о проведении детализированных исследований тех проблем, которые должен был принести с собой послевоенный мир. Его, несомненно, волновали открывшиеся перспективы. Глобальный вакуум — вот какой была предпосылка резкого распространения американского влияния.

Как личность, Франклин Рузвельт представлял собой загадку для современников. В его непосредственном окружении были люди, известные остротой ума и мастерством анализа. Многие среди них писали о своем времени и о лидере, составившем эпоху в американской истории. И все же мы, пожалуй, не найдем на страницах их ярких и часто вдохновенных книг убедительной для всех «разгадки» Франклина Рузвельта. Но все они согласны с тем, что жили рядом с редкостным источником энергии. В своей биографии Р. Тагвел, долгие годы наблюдавший Рузвельта, пишет:

«Невероятное по натиску движение навстречу своей судьбе едва ли можно объяснить как-либо иначе, кроме как внутренней особенностью реакции на мир. Эту особенность нельзя отнести к специфике ума, к харизматичности или какому-либо другому свойству темперамента или черте характера. Она, эта особенность, заключалась в импульсивной страсти, глубоко пронизавшей его личность и наполненной первобытной энергией, контролировавшей все проявления его деятельности. Оглядываясь на путь Рузвельта, я вижу в качестве наиболее постоянной и поражающей его черты это пламя, которое всегда билось в глубине его личности. Жар, который оно генерировало, не позволял оставаться в покое, несмотря на инвалидность и, конечно же, несмотря на все, что казалось поражением; это пламя вращало турбины с почти безжалостной силой. Его источником совершенно определено была внутренняя сила, так неодинаково распределяемая между людьми».

Человек, обладавший такой энергией, руководил Америкой в решающее для нее время, в период, когда она сделала мощную попытку отторгнуть изоляционизм, выйти на международную арену и возглавить мировое сообщество. Этой попытке, собственно, и посвящена данная книга.

Не будет большим открытием сказать, что Франклин Рузвельт видел гораздо дальше многих своих соотечественников. Уже в конце 30-х годов он осознал неизбежность мирового конфликта и то роковое обстоятельство, что США не останутся от него в стороне. В те времена исключительно сильно было влияние тех, кто полагал, что США должны ограничить свое влияние доминированием в Западном полушарии. Большинство в правящем классе, рассуждая о возможностях для США, судило по опыту Первой мировой войны, когда вмешательство Америки в войну не дало ей искомым внешнеполитических дивидендов.

Рузвельт не разделял этого скептицизма. Он полагал, что формирующаяся уникальная расстановка сил в мире позволит Америке извлечь для себя значительную пользу. Он пришел к заключению, что в ходе мирового кризиса США получают возможность выбора наиболее благоприятного момента для своего броска к вершине влияния. Годы Второй мировой войны нельзя понять, не учитывая той калькуляции, которая постоянно велась в Белом доме. Здесь исходили из того, что назревает важнейшее смещение в мировом дипломатическом уравнении. Возникло новое соотношение сил, основой которого, с одной стороны, было значительное укрепление СССР в Европе и Азии, с другой — превращение Соединенных Штатов в безусловного гегемона Запада. Следя за дипломатией Франклина Рузвельта, мы видим, как осуществлялся радикальный поворот в структуре взаимоотношений ведущих капиталистических стран, смыслом которого было то, что Западная Европа отдавала пальму первенства североамериканскому колоссу.

В этой книге главное внимание обращено к трудноощутимой и еще труднее выделяемой логике стратегического замысла президента Рузвельта. История поставила его у руля американской внешней политики в критическое время всемирного переворота, вызванного стремлением трех государств-агрессоров изменить соотношение сил в свою пользу. Как воспринял Рузвельт этот вызов эпохи, каков был его стратегический замысел, как сумел он повернуть корабль Америки из изоляционистских вод на основные мировые направления — эти вопросы призвана осветить данная книга.

<...>

Рузвельт и внешний мир

Мы не должны бояться ничего,
кроме страха.

Ф. Рузвельт. 1933 г.

Иногда американские президенты знакомятся с внешним миром уже после занятия Овального кабинета в Белом доме. Для человека, который решительно изменил подход Америки к мировому сообществу, — для Франклина Рузвельта такая оценка не подходит. Первые воспоминания Ф. Рузвельта касаются дальних странствий — вода захлестнула их каюту, когда они возвращались из Англии. Будущему президенту было три года. Космополитическая по взглядам семья высоко ценила уклад далекого европейского мира. Состоятельные американцы тогда прокладывали дорогу, ставшую такой многолюдной в наши дни. В Европе они обзаводились связями в высшем обществе. Если посмотреть на визиты семьи Рузвельтов в 80–90-е годы прошлого века, то мы увидим среди их знакомых цвет английской, германской и французской аристократии. Родители Франклина — Джеймс и Сара Делано Рузвельт охотились в поместьях герцога Ратленда и обсуждали с адмиралом флота лордом Гленвильямом тему посягательства на английское морское могущество. Семилетний Франклин Рузвельт говорил об орнитологии с членами британского парламента. То обстоятельство, что будущий реформатор американской политики проехал на велосипеде значительную часть Германии и Голландии, поднимался на Эйфелеву башню, взбирался на вершину Черного леса — гору Блауэн, должно быть особо отмечено: у него не было ни ложного страха, ни ложного восхищения перед центром тогдашнего мира.

И в своем американском поместье Гайд-парк семья Рузвельтов жила новостями из-за океана. На столе лежала европейская пресса, а гости беседовали не столько о немощных деяниях президентов 70–90-х годов XIX века, сколько о поворотах судеб на блестящей европейской политической сцене. С пяти лет Франклина Рузвельта стали обучать немецкому и французскому языку европейские гувернантки.

Гротон — школа, которую он начал посещать осенью 1896 года в возрасте тринадцати лет, более всего походила на привилегированную закрытую английскую школу с ее первостепенным вниманием к истории, языкам и воспитанию характера. Это было

своеобразное продолжение изучения Европы на американской земле. Американским аристократам внушалось, что они — граждане мира, что личные достоинства важнее примитивного национализма, что джентльмен должен исполнять свой долг, частью которого является исправление несовершенства этой грешной земли. «Патронаж» над своей страной подавался как миссия ее истинного владельца, класса имущих. Управлять следовало мудро и справедливо. Основатель Гротона Э. Пибоди поощрял питомцев обращаться в школьной газете к наиболее злободневным проблемам, искать такие решения, которые облегчили бы общее положение и сохранили одновременно привилегии элиты классового американского общества, ее права на лидерство и управление. Пятнадцатилетние подростки с серьезностью обсуждали вопросы военно-морского строительства в США, «соблазны и тяготы» империализма: нужно ли аннексировать Гавайи, желательно ли предоставить независимость Филиппинам, кто прав и кто виноват в бурской войне.

Отроческие годы Ф. Рузвельта пришлись на время торжества национализма и империализма. Выход Америки в широкий мир приветствовался европейски образованным учеником с истинно американским энтузиазмом. Этот жар виден в статьях Франклина для школьной газеты «Гротониэн». Соединенные Штаты должны взять на себя мировую роль, с изоляционизмом должно быть покончено. Не удовлетворяясь идейной борьбой, Рузвельт вступил в Общество миссионеров и после окончания школы принял решение ближе познакомиться со странами, которые держали в своих руках «ключи к истории».

Годы становления политика — 1900–1912, в этот период окончательно формируется его личность. Аристократическая отстраненность, тщательно культивируемая родителями, стала частью его характера. К именам более чем десяти пассажиров «Мэйфлауэра» (корабля, доставившего в 1620 году в Новую Англию первых поселенцев), от которых его мать вела родословную, Франклин Рузвельт добавил еще несколько — результат собственного тщательного анализа архивов.

Не только уверенность в том, что их клан традиционно принадлежал к правящим в США, формировала характер Франклина Рузвельта. Его семья была известна радушием, уравновешенностью и внутренним миром. В отце он нашел первого друга, готового быть опекуном и советчиком. Едва ли найдется много

примеров того, как отец лично учил сына катанию на коньках, езде на лошади, управлению парусом, выращиванию растений, рыболовству. В дневниках родителей с любовью и вниманием сделаны записи о каждом шаге Франклина, единственного ребенка в семье. Его вещи они тщательно сберегали, словно предвидели их историческую значимость.

Родители не удивлялись первенству сына во многих сферах жизни. В конце концов, они его к этому готовили и открыто говорили, что у сверстников мало шансов обойти их питомца. Любопытно читать записанные в материнском дневнике слова подростка: «Мама, если я не отдам распоряжений, ничего не получится». Уже в самом раннем возрасте Франклин благодаря родителям познакомился с наиболее влиятельными из современников, посетил президента Кливленда в Белом доме, а в Гротоне его окружали отпрыски властвующей элиты.

В Гарвардском университете Рузвельт был редактором студенческой газеты «Кримсон» и менеджером бейсбольной команды. Очевидцы вспоминают, что, получив очередной пост, Франклин выполнял свои обязанности с «отчаянной энергией».

Сам Ф. Рузвельт предпочитал объяснять это «горение» высокими мотивами и семейной традицией. В возрасте девятнадцати лет он написал: «От некоторых знаменитых голландских семей Нью-Йорка сегодня не осталось ничего кроме имени — они малочисленны, лишены прогрессивных взглядов и подлинно демократического духа. Одна из причин нашей жизнеспособности — возможно, главная — ее демократический дух. Возможно, мы его и не ощущали, потому что, пребывая в достатке, могли преуспевать, держа руки в карманах. Но все же наши предки знали, что для них нет извинения, если они пренебрегут общественным долгом, эта идея была привита им с рождения».

Именно в те месяцы, когда написаны эти строки, студент Гарвардского университета пришел к далекому от «ложной скромности» выводу, что его воспитание, образование, характер и образ мышления должны сделать его выдающимся американским лидером. Толчком послужило более близкое знакомство Франклина Рузвельта с дядей — Теодором Рузвельтом. Согласно записям Франклина, он «пришел в неистовство от восторга», когда дядя Теодор занял в 1898 году пост губернатора штата Нью-Йорк. Вся семья собралась при приведении Т. Рузвельта к присяге. Поклонение Франклина усилилось, когда Т. Рузвельт стал в 1901 году

президентом США. Ф. Рузвельт многократно присутствовал в Белом доме при обсуждении таких животрепещущих проблем, как, например, строительство Панамского канала.

Как свидетельствуют дневники, в годы правления Т. Рузвельта к его племяннику пришло желание повторить путь родственника-президента. Выйдя из Гарварда, этого питомника правящей элиты, Ф. Рузвельт поступил в престижную юридическую контору «Картер, Ледьярд и Милберн» на Уолл-стрит. Коллегам он говорил в 1907 году, что не намерен вечно заниматься юриспруденцией, что хочет добиться общественной должности, что думает о пути, который привел бы его к посту президента страны. Уже были обозначены и вехи блистательной карьеры (прямая калька с пути дяди): законодатель штата Нью-Йорк, помощник военно-морского министра, губернатор штата Нью-Йорк, президент США.

Вопреки обычным сетованиям на превратности судьбы, Франклин Рузвельт действительно стал в 1913 году помощником военно-морского министра. В эти годы формируется его видение мировых политических реалий. Чтобы вступить в мировую политику, говорит отпрыск знаменитой семьи, Америка должна вооружиться на морях:

«Мы не можем вести боевые действия с флотом Германии и дредноутами Англии, имея в своем распоряжении лишь канонерские лодки».

Равенство в военно-морских вооружениях с ведущими странами мира — вот заглавная тема рассуждений молодого Франклина Рузвельта. Он выступает за вмешательство в мексиканские дела и за жесткий курс в отношении Японии.

Нужно особо отметить, что в те годы Америка стояла на историческом переломе. То, что было бы еще десять-двадцать лет назад пустым оригинальничанием, становится во втором десятилетии XX века главенствующей политической философией когорты деятелей, занявших в годы правления президента Вильсона (с 1912 года) высоты государственной власти в Вашингтоне. В элиту «мировых политиков» входили дипломаты, военные, чиновники высокого ранга. Их объединяла идея достаточности потенциала США для энергичного выхода на мировую арену. Более того, возможным стало казаться овладение Америкой контрольными позициями на этой арене. Частью реализации концепции явилось строительство громадного военно-морского

флота для того, чтобы, как определил Ф. Рузвельт, «противник не смог превзойти нас в любой удаленной части мира, нанести вред нашей торговле и разрушить наше влияние повсюду в мире». Каковы пределы видимой в то время Ф. Рузвельтом сферы влияния Соединенных Штатов? «Наша национальная оборона должна охватывать все западное полушарие, морские пространства на тысячи миль от наших границ, должна обеспечивать контроль над Филиппинами и над теми морями, по которым пролегают наши торговые пути».

Письма Ф. Рузвельта, относящиеся по времени к началу мирового кризиса 1914 года, полны презрения в адрес коллег по военно-морскому министерству. Они не замечали того, что казалось очевидным ему: возникает шанс изменить всю систему мирового соотношения сил, воспользоваться кризисом с целью завладеть контрольными международными позициями. Элеонора Рузвельт получает письма, в которых муж сравнивает государственного секретаря Брайана и военно-морского министра Даниэлса с их трехлетним сыном Эллиотом: они также не понимают значимости общеевропейской войны для Америки. В июне 1916 года Рузвельт объявляет себя «единственным человеком в вашингтонской администрации, который понимает возникающие восхитительные возможности». Считая, что правительство Вильсона теряет драгоценный политический шанс, Франклин Рузвельт организует встречу своих единомышленников, в числе которых Теодор Рузвельт, магнат Дж. П. Морган и генерал Л. Вуд. Речь шла о развертывании армии и флота до мировых пропорций и вступлении в войну при первой возможности. Последовавшее вскоре присоединение США к антигерманской коалиции сняло возникшее вокруг Ф. Рузвельта в правительстве напряжение.

Поворачиваясь от военной стратегии к международной дипломатии, Ф. Рузвельт с окончанием войны отправился в Париж, чтобы наблюдать сцену мирной конференции. На Рузвельта произвела глубокое впечатление беседа с президентом Вильсоном, возглавившим первую попытку Америки выйти на мировые дипломатические просторы. Пересекая океан, нынешний и будущий президенты США обсуждали наиболее верный путь к желаемой цели. Вильсон сумел возбудить в молодом заместителе военно-морского министра интерес к созданию международной организации — Лиги Наций, в которой США должны обеспечить свое лидерство. Нет сомнения, что Рузвельт был польщен вни-

манием президента, и его восхищение Вильсоном возросло еще более при виде фантастического приема, устроенного в его честь в Бостоне по возвращению из Европы. Мир, казалось, зависел от будущей Лиги Наций, а ее творец выступал триумфатором.

Вудро Вильсон был вторым — после Теодора Рузвельта — президентом, который произвел на молодого политика сильное и непреходящее впечатление. При этом если Т. Рузвельт впечатлял энергией и бескомпромиссностью, заостренным националистическим чутьем, то Вудро Вильсон открывал новые горизонты грандиозностью своих геополитических планов. Ф. Рузвельт впервые встретил американского политического деятеля, способного говорить об Америке не как об одиноком острове во враждебном мире, а как о возможном авангарде мирового сообщества. Это был большой шаг в формировании Ф. Рузвельта-политика. Отныне он видел, что отстранение от внешнего мира не может изоляционистов сенатор Лодж говорил: «Мы должны выступать сейчас и в будущем за американизм и национализм против интернационализма. Не будет безопасности для нас, не будет надежды на то, что мы сможем оказать услуги миру, если мы поступим иным образом».

А будущий президент Гардинг повсеместно повторял один и тот же мотив, ставший своего рода «символом веры» изоляционистов: «Не героизм, а замирение, не знахарское кликушество, а нормальность, не революция, а восстановление, не агитация, а урегулирование, не хирургическое вмешательство, а безмятежность, не драматизация проблем, а беспристрастное их восприятие, не эксперименты, а уравновешенность, не погруженность в международные дела, а сосредоточенность на национальных проблемах».

Сопrotивляясь в 1920 году подобному «уходу в себя», выдвинутый демократами тандем Кокс — Рузвельт старался сохранить максимум «интернационалистского» потенциала, накопленного Вудро Вильсоном. Напарник Рузвельта, кандидат в президенты Дж. Кокс увещевал американскую аудиторию: «Дом цивилизации должен быть приведен в порядок. Перед нами встает роковой вопрос столетия, и нации, которые задерживаются и отстают, играют с огнем».

Ф. Рузвельт сражался за Лигу Наций даже тогда, когда ее судьба была решена. Его глубоким убеждением стало то, что Лига Наций является «практическим решением практической

ситуации. Она не более совершенна, чем наша собственная конституция. Она не является антиамериканской... Посредством ее мы могли бы бросить нашу моральную силу и нашу потенциальную мощь на весы мира. Полагать, что эта цель противоположна американским интересам — немислимо».

Но страна, ее правящий класс уже в целом покачнулись в сторону изоляции, отстояния от больших мировых дел. Поражение президента Вильсона, не сумевшего добиться принятия сенатом Версальского договора, бросало тень на его идейных наследников. Дуэт Кокс — Рузвельт, как оказалось, двигался в ложном направлении. Их противники — республиканцы Гардинг и Кулидж победили подавляющим большинством голосов. Нет сомнений, что поражение обескуражило демократов: окончилась эра Вильсона. Но Франклин Рузвельт вовсе не испытал душевной депрессии, ему казалось необычайной удачей уже само вознесение на высший национальный уровень политики, где он показал, что является продолжателем глобализма Вудро Вильсона, ведущим специалистом во внешнеполитических вопросах среди всего испытанного на международной арене клана В. Вильсона. Знание этого воодушевляло молодого Рузвельта, несмотря на поражение на выборах. Для того чтобы сохранить шансы на будущее, ему теперь нужно было не исчезать с переднего края претендентов-демократов.

Жизнь приготовила Рузвельту необычайно суровое испытание. Баловень судьбы встретил на своем пути обстоятельства, способные лишить мужества всякого. Летом 1921 года полиомиелит парализовал его ноги, и этот свой крест Франклин Рузвельт нес мужественно до конца. Лишь знакомство с его документами позволяет представить всю степень отчаяния, потрясения и мук. Но практически никогда Рузвельтом не завладевала идея уйти в частную жизнь. Возможно, что эффект личных страданий вызвал противоположное желание искать самовыражение в общественной деятельности. После того как частичный паралич поразил его, Франклин Рузвельт не только не оставил политического поприща, но и стремился сохранить статус политика национального масштаба. Всего лишь месяц спустя после кризиса, приведшего его к неподвижности, Рузвельт принял приглашение стать членом исполнительного комитета демократической партии в Нью-Йорке. Спустя три месяца он уже восстанавливает связи с лидерами демократической партии своего штата, перебрасывает мосты политической взаимозависимости в другие штаты.

На следующий год почти списанный со счетов инвалид принимает самое активное участие в возвращении своего политического патрона — А. Смита на пост губернатора штата Нью-Йорк, а в 1923–1924 годах Рузвельт энергично выдвигает кандидатуру Смита на пост претендента от демократической партии в Белый дом. Вопреки всем обстоятельствам он становится руководителем избирательной кампании А. Смита. В пылу борьбы участие Рузвельта не прошло незамеченным. Стоя на костылях, он произнес свою первую публичную речь, выдвигая перед конвентом демократической партии Альфреда Смита. Эффект этой речи был поразительный.

«Словно кто-то бросил вам дикую кошку в лицо. Галереи пришли в неистовство», — писал У. Роджерс, известнейший репортер своего времени. И хотя А. Смит, снова столкнувшись с Макаду, пропустил вперед в качестве официального претендента партии Дж. Дэвиса из Западной Вирджинии, для нью-йоркца Рузвельта это был еще один шаг к национальному признанию. Требовалось исключительное мужество, чтобы сделать подобный шаг человеку, обреченному передвигаться с костылями или в коляске.

Очередное поражение в ходе президентских выборов 1924 года, означавшее эмоциональное крушение для многих политиков демократической партии, лишь укрепило Франклина Рузвельта. Он вплотную занялся подготовкой к следующему раунду политической борьбы. Период между 1925 и 1927 годом он посвятил поиску и формулированию принципов, которые могли бы объединить «городскую» и «сельскую» фракции демократической партии, позволили бы расширить национальную базу демократов.

Рузвельт задался целью стать лучшим специалистом своей партии в области внешней политики. При этом его «осевой» концепцией было продолжение интернационализма, глобальной политики президента Вильсона, к которому он относился с величайшим пиететом, как к основателю единственно верного для Америки курса на XX столетие. В 1921 году он участвовал в создании Фонда Вудро Вильсона, средства которого предназначались для поощрения сторонников активной внешней политики США. Считая, что в стране должна быть создана новая школа дипломатов, Ф. Рузвельт стал одним из основателей «Школы Уолтера Пейджа» (бывшего посла Вильсона в Лондоне) при Университете Джонса Гопкинса. В 20-е годы Рузвельт лично

корректировал учебные планы в университетах и колледжах страны, стимулируя интерес к международной арене.

В период, когда Америка демонстративно отвернулась от Лиги Наций, Ф. Рузвельт открыто и подчеркнуто выступал за членство США в этой организации. Некоторым из его друзей странно было смотреть, как молодой амбициозный политик борется за дело, вчистую проигранное мастером международной политики, каким был Вудро Вильсон. В 1923 году Рузвельт создает такой умозрительный вариант нового сообщества наций, который, по его мнению, будет более приемлем для американского народа, чем отвергнутая им Лига Наций. Ради вхождения в мировое сообщество, где индустриальная мощь США должна была сыграть решающую роль, Рузвельт предлагал выдвинуть и пропагандировать оговорки, призванные уменьшить страх американцев перед новым и неизведанным предприятием. Согласно его плану США «не могли быть вовлечены в чисто региональные проблемы», американцы «не могли быть призваны к решению задач, ведущих к использованию вооруженной силы без полного и свободного нашего согласия, выраженного посредством наших конституционных процедур». Неважно, в каком виде США примут участие в решении мировых проблем, полагал Рузвельт, важно само это участие. Главные обвинения Рузвельта против республиканцев заключались в том, что те не вели подлинно международной политики в интересах Соединенных Штатов и не принимали никакого участия в вопросах, разбираемых Лигой Наций и Мировым судом. Рузвельт, разумеется, знал, что большинство американцев голосовали против участия в этих организациях. И все же в своей статье, напечатанной в журнале «Форинафферс», он предлагал проявить «гораздо большую степень внимания и определенной официальной помощи этим организациям, чем мы оказывали до сих пор». Рузвельт шел дальше:

«Мы должны сотрудничать с Лигой Наций как с первой крупной по величине организацией, направленной на поддержание мира, не вступая на почву непосредственно европейской политики, но тем не менее принимая активное, полнокровное и официальное участие во всех обсуждениях, которые могут принести пользу всему человечеству. То же самое касается международного суда».

Наиболее популярное в то время требование быстрого взыскания с бывших союзников долгов получило у Рузвельта своеобразное трактование. С его точки зрения, тот факт, что Соединенные

Штаты намеревались собрать 22 миллиарда долларов вместо 10 миллиардов (которые США в годы войны предоставили своим европейским союзникам), гарантировал превращение этих бывших союзников «в государства, ненавидящие жестокого и жадного сборщика налогов».

Работы Рузвельта привлекли внимание теоретиков и практиков вильсонизма. Но сближение Рузвельта со старой гвардией Вильсона не было гладким. Хранители интернационалистских принципов не без подозрения смотрели на молодого выскочку из Нью-Йорка, родственника заклятого врага Вильсона — Теодора Рузвельта, политика, который, по их мнению, мог дискредитировать «крестовый поход» Вильсона за превращение Соединенных Штатов в ведущую мировую державу. С другой стороны, для Ф. Рузвельта полностью отождествить себя с проигравшей свою партию фракцией демократов вовсе не казалось привлекательным. Поэтому, по мере прохождения 20-х годов, десятилетия «просперити», Рузвельт несколько отходит от правоверного вильсонизма. В конце концов следовало учитывать тот факт, что массы американского народа весьма решительно отвергли вильсонизм, и тот, кто посягал на верховное лидерство, должен был согласовывать амбиции с наиболее популярными взглядами своего времени. Опыт Вильсона научил Рузвельта, что для смелой внешней политики необходима твердая поддержка на внутренней арене. Без этого внешнеполитические замки строились бы на песке.

Желая утвердить свою профессиональную репутацию, Ф. Рузвельт в 1923 году опубликовал в журнале «Азия» статью на волнующую тему текущего периода: «Должны ли мы доверять Японии?». То был ответ на работы популярных в стране публицистов У. Питкина «Должны ли мы сражаться с Японией» (1921) и Г. Байуотера «Морская мощь на Тихом океане» (1922), которые в той или иной степени отстаивали идею неизбежности столкновения двух претендентов на владычество в Тихом океане. Рузвельта пугала крайность этого вывода. Он видел центр мирового развития в Европе, чье могущество хотя и было поколеблено мировой войной, но сохраняло свою осевую значимость. Именно здесь США должны были получить новые контрольные права (Лига Наций в этой связи казалась наилучшим каналом). На Тихом океане, при всей его насущной и, еще более, потенциальной важности, не решалась проблема мирового лидерства.

Поэтому Рузвельт, в отличие от своих агрессивно настроенных предшественников, в оценке американо-японской ситуации считал, что битва США и Японии не даст быстрых положительных результатов для США. Обе страны достаточно сильны для обеспечения надежной стратегической обороны. Главная ударная сила обеих стран — флоты. Но создание подводных лодок и морской авиации сделало их уязвимыми в открытом океане. Как еще могли США и Япония сокрушить друг друга? Долгая позиционная война вызывала бы лишь удовлетворение третьих сторон. А если так, если Япония неуязвима для решающего удара, тогда война с ней будет означать колоссальный и бессмысленный дренаж американских средств, будет означать завязанность в бесперспективной борьбе, скованность рук на неглавном направлении. Короче, этот путь был неправильным, и ожесточения отношений с Японией следовало избежать. Рисуя такие перспективы, Рузвельт в своей статье призывал ослабить американо-японский антагонизм, сделать возможным американо-японское сотрудничество, которое повышало бы престиж США в Азии и создавало рычаги воздействия на победоносные державы прежней Антанты.

В процессе подготовки к президентской кампании 1928 года Ф. Рузвельт опубликовал новую статью в наиболее влиятельном внешнеполитическом журнале «Форинафферс», которую он хотел бы видеть внешнеполитической платформой своего политического патрона и фаворита А. Смита. В этой статье Рузвельт утверждал необходимость для Америки возглавить мировое развитие. «В прошлом в нашей истории были периоды, когда американское руководство оказывало влияние на идеи и действия цивилизованного мира». Однако последние девять лет господства республиканцев «увы, не были таким периодом. С лета 1919 года наша страна вынуждена выслушивать обвинения, что она игнорирует необходимость конструктивного вмешательства с целью разрешения суровых проблем, вставших перед человечеством. Мы не предлагали практически ничего за исключением изолированного эпизода военно-морской конференции 1922 года». В число конкретных предложений Рузвельта входило объявление американских гарантий безопасности торгового судоходства, инициативы по созыву международных форумов по военно-морским вооружениям. Наибольшие нарекания Рузвельта вызывала европейская политика республиканцев. Узколобой

подход — требование выплаты бывшими союзниками долгов — означал отчуждение самых могущественных стран мира в обмен на деньги, которые Америке, по существу, и не были нужны. Но еще более жестокой и неразумной виделась политика Вашингтона в свете того, что одновременно федеральное правительство руководствовалось дискриминационной тарифной политикой, что значительно осложняло для европейцев выплату их долгов.

Участие в Лиге Наций, вхождение в Мировой суд, либеральное отношение к долгам европейцев, широкое и перспективное видение возможностей укрепления американских позиций в центре мирового могущества — вот что предлагал Ф. Рузвельт как теоретик демократической партии во внешнеполитических вопросах. По его мнению, во второй половине 20-х годов вновь созрели условия для попытки США внести упорядоченность в хаос мировых дел, сделать колоссальную американскую индустрию основой новой стабильности в мире.

Но в политике приходится выбирать. И Рузвельт в 1928 году стоял перед выбором — стремиться закрепить за собой положение ведущего внешнеполитического эксперта своей партии или начать движение по верхним этажам политической лестницы. Последнее возобладало, и Франклин Рузвельт, устремившись к посту губернатора штата Нью-Йорк, «повесил замок» на своих знаниях во внешней политике. Теперь демонстрировать умудренность в международных делах не только не требовалось, но и было опасным — многоплеменный Нью-Йорк по-разному реагировал на внешнеполитические симпатии своего губернатора. Рузвельт на три года как бы ушел из сферы внешнеполитического анализа.

Губернатор Рузвельт ревностно соблюдал обет молчания. Так, в 1931 году он отклонил предложение высказаться в национальной печати по поводу политики президента Гувера в вопросе об уплате союзниками военных долгов и по поводу агрессии Японии в Маньчжурии. Вполне очевидно, что губернатор боялся антагонизировать влиятельную группу «поствильсоновских» интернационалистов, а еще больше — создать негативное о себе представление у националистически настроенного большинства своей партии. И лишь выход на прямую борьбу за президентское кресло заставил его снова обратиться к анализу событий на международной арене. В январе 1932 года Рузвельт покинул укрытие. Его стимулировал влиятельный издатель Р. Херст (идеолог изоляционизма) обвинением в том, что Рузвельт на-

ходится в плену проекта вовлечения Америки во враждебную ей Лигу Наций.

Наступали решительные дни президентской кампании 1932 года. Рузвельт знал о преобладании в электорате изоляционистских взглядов, и, вопреки прежним убеждениям в необходимости всемирной политической организации и американского участия в ней, он обрушился на Лигу Наций. Второго февраля 1932 года перед нью-йоркской аудиторией он заявил, что «нынешняя Лига Наций — вовсе не та Лига Наций, которую создавал Вудро Вильсон. Слишком часто в текущие годы ее главной функцией было не создание стабильных оснований всеобщего мира, а политические дискуссии по чисто европейским национальным проблемам. В этих дискуссиях США не должны принимать участия». Это был значительный поворот во взглядах Рузвельта: прежде он выступал, по меньшей мере, за ограниченное сотрудничество с Лигой (если не за вступление в нее); теперь же он открыто высказался против участия США в работе этой международной организации.

Изменилась — в пользу наиболее популярного национального стереотипа и точка зрения Рузвельта на проблему долгов. Ранее он был более благосклонен к должникам и стремился доказать, что американский национализм уменьшал способности союзников вернуть долги. Отныне он стал говорить, что европейские страны, тратящие огромные средства на военные приготовления, вполне способны — а потому обязаны — выплатить свои военные долги Штатам.

Итак, в политике пришлось выбирать. «Корректировка» Рузвельтом своих взглядов, как и ожидалось, ожесточила старую гвардию вильсонизма в его партии. Но она привела к сближению с Херстом, которое дало результаты в решающий момент. На апогее напряжения борьбы во время конвента демократической партии Рэндольф Херст благожелательно посмотрел на переход двух крупнейших штатов — Калифорнии и Техаса под знамена Рузвельта. Биографы не щадят за это Рузвельта. «Рузвельт в прaxe простерся перед Херстом. Это унижение было существенным шагом на пути к конечному триумфу». Прежний вильсоновский интернационализм Рузвельт сохранил лишь в отношении условий международной торговли, здесь он был однозначно против установления новых тарифных ограничений и создания прочих препятствий. Ничто не вызывало у него такой ярости, как принятый в националистическом ослеплении

закон Смута — Хоули, поднявший внешний таможенный тариф примерно до 60 процентов. В упоминавшейся речи 2 февраля 1932 года он охарактеризовал его как удар по мировой торговле, как удар по американскому экспорту, а следовательно, по главным рычагам американского влияния. Рузвельт страстно призывал оставить дело возведения стен между торговыми блоками. Самая мощная индустриальная машина мира — США — страдала от этого в первую очередь. Хладнокровная калькуляция летом — осенью 1932 года заставила Рузвельта смягчить свою позицию и в данном вопросе. Он видел, что обходит своего противника из республиканской партии Гувера и боялся обращением к жгучим вопросам вызвать нежелательный кризис. Стали звучать ноты, что тариф обеспечивает защиту американской промышленности. Раздраженный Гувер именно по этому поводу назвал Рузвельта политическим хамелеоном. Но в представлении претендента-демократа «Париж стоил обедни». Прежний интернационализм, как говорил здравый смысл, не мог обеспечить большинства у избирательных урн, и Рузвельт предпочел захватиться за более популярные воззрения.

Впрочем, не внешнюю, а внутреннюю политику сделал ФДР, как все чаще звали Рузвельта, основой своего национального мандата в 1932 году. Но те, кто знали претендента ближе, понимали, что президентом страны становится человек, обладающий необычным для американских президентов международным опытом и, главное, полагающим, что назрело время вводить корабль американского государства во все воды мировой политики. Американский капитализм обрел исключительно умелого вождя, занятого пока ликвидацией внутреннего кризиса капиталистической экономики, но, как знали его друзья, готового возглавить новую, вторую после президента Вильсона, попытку создать мир под американским руководством. Помимо прочего ФДР считал, что материальная мощь Америки зависит не от высоты тарифного «забора», а от степени ее вовлечения во внешний мир, где, верил он, никто не сможет противостоять ей в прямой конкурентной борьбе.

Наблюдая и стараясь оценить Франклина Рузвельта на его пути к президентству, мы убеждаемся, что сфера внешней политики интересовала и привлекала его чрезвычайно. С сочувствием и подлинной страстью воспринимал он «дело жизни» Вудро Вильсона — попытку вклиниться в строй европейской политики,

расколоть этот строй, подняться над Европой, регионом, который предшествующие пять столетий определял мировые судьбы.

Однако Рузвельт пришел в Белый дом обреченным волею обстоятельств сосредоточить свое внимание на внутренних делах. Величайшая в истории США депрессия требовала концентрации всех усилий государства. Отражая страх американской буржуазии за судьбы страны, надеясь на минимум — стабилизацию внутренней обстановки, американский конгресс выступил в 30-е годы противником вовлечения Соединенных Штатов в политические процессы за пределами своего полушария. Несмотря на то что на Дальнем Востоке и в Европе возникали два очага мировой войны, конгресс сдерживал попытки исполнительной власти выйти всей мощью на международную арену.

Но что бы ни говорили исследователи о сверхвключенности президента Ф. Рузвельта во внутренние дела, им никогда не удастся нарисовать портрет президента-изоляциониста. Рузвельт не был таковым ни по воспитанию, ни по образованию, ни по убеждениям. И, главное, в нем всегда жил политик вильсоновской эпохи. Тогда, в 1917–1919 годы Америке не удалось возглавить мировое сообщество: определенные материальные предпосылки для этого существовали, но подвела, полагал Рузвельт, дипломатия. Она не была гибкой, она не предусмотрела англо-французского сближения после войны, она не сумела расколоть союзников, не смогла сыграть на противоречиях победителей и побежденных, не использовала фактор общности западных держав перед Октябрьской революцией в России. Возможность для Америки взойти на командные высоты была «отодвинута» изоляционистской буржуазией, боящейся в погоне за большим потерять имеющееся — зону влияния в Западном полушарии. Нового шанса попытаться возглавить мировое развитие на горизонте видно не было. Но этот шанс, полагал неистребимый оптимист Рузвельт, появится, и пока следовало исподволь готовиться к его приходу. Нужно было начинать с урегулирования отношений с недавними союзниками — Англией и Францией. Сохранение противоречий грозило увековечить изоляцию США. Для Франклина Рузвельта, как и для его идейного предшественника — Вудро Вильсона, путь к мировому возвышению пролегал уже в самом своем начале через укрепление связей с Англией. Метрополия крупнейшей в мире колониальной империи явно распыляла силы. Одновременно укреплять свои позиции в Африке,

Индии, на границе Индийского и Тихого океанов и в Австралии Лондон уже не мог. *Rex Britannica* отживал уже в силу падения индустриального могущества метрополии, роста национально-освободительной борьбы колоний, укрепления доминионов, ожесточения соперников. Помочь Британии и одновременно начать процесс ее замещения на всех континентах — вот дорога, которой пошел Ф. Рузвельт еще тогда, когда разворачивалась предвыборная президентская баталия. Летом 1932 года он демонстративно заявил в интервью английскому журналисту, что, если Британия и Соединенные Штаты смогут достичь «полной идентичности своих политических и экономических интересов, они завладеют полным руководством в мире». ФДР сказал, что он готов вступить в личные контакты с английскими лидерами. И это были не просто слова. В октябре того же года, за месяц до выборов, он проинформировал английского премьер-министра Р. Макдональда, что готов встретиться с ним в период между избранием и принятием присяги. Всеобщее ожесточение, охватившее капиталистический мир в ходе кризиса 1929–1933 годов, стремление соперников отгородить тарифами свою зону влияния в поисках выхода из всемирной депрессии осложнило задачу Рузвельта. Он не поехал, как предполагал, в Европу между ноябрем 1932 и мартом 1933 года. Напомним, что в этот зловещий промежуток Гитлер стал канцлером Германского рейха, и ситуация в Европе приобрела новое измерение. Да и глубина американского кризиса пока связывала руки президенту.

Через четыре дня после победы на выборах Ф. Рузвельт был приглашен в Белый дом к побежденному президенту Гуверу. Проблемы военных долгов и экономического урегулирования возглавляли список наиболее неотложных международных проблем. К этому времени уже определились два главных советника нового президента в международных вопросах. Это были молодые и новые для высшего политического эшелона лица, два профессора — сорокашестилетний Реймонд Моли и сорокадвухлетний Рексфорд Тагвел. Оба представляли интеллектуальную опору прежнего губернатора Нью-Йорка — Колумбийский университет, оба олицетворяли опору нового президента на цвет интеллигенции. Р. Моли был специалистом в политических науках, а Р. Тагвел — авторитетом в экономике.

Приглашение на беседу с президентом Гувером, с одной стороны, было лестным. Предстояло сразу же окунуться в гущу

мировой политики, воспользоваться уже проделанной подготовительной работой. Но, с другой стороны, молодая команда Рузвельта не хотела привязывать свои планы и в целом судьбу выдвинутого Рузвельтом «нового курса» к известной и уже во многом дискредитировавшей себя политике. Сам Рузвельт более всего ценил следующее достоинство руководителя — вдохновлять; ассоциировать себя с впавшей в мрачное уныние республиканской администрацией ему не хотелось. Потому-то Рузвельт и отверг приглашение своего предшественника в Белом доме принять участие в начинающейся в январе 1933 года Мировой экономической конференции совместно с гуверовскими представителями. Но получить оценку текущей политики Америки из первых уст стоило, и Рузвельт после колебаний согласился встретиться с Гувером. Беседа двух президентов состоялась 22 ноября 1932 года. Как оказалось, негативная позиция Рузвельта в отношении международной конференции предопределила и холодный прием президента Гувера. Тот не знал, что перед ним еще более сильная личность. Рузвельт постарался соблюсти декор, но в его тоне слышался металл. Преемственности, даже по внешним признакам, у двух администраций не получилось.

Начать в полном смысле новую главу в американской дипломатической истории Рузвельту мешала не только далекая от успеха деятельность предшествующей республиканской администрации, но и все нелегкое наследие прежних лет. Спор о военных долгах казался ему абсурдом на фоне возможных по-настоящему крупных инициатив США на мировой арене. Документы говорят, что уже в начале 1933 года Ф. Рузвельт ищет «гибкий» подход к проблеме долгов. Он тайно встречается в Нью-Йорке с французским послом П. Клоделем и вырабатывает схему выплаты, подобную той, которая имела место после войны США за независимость — выплачивать основную сумму без процентов. Вся эта проблема долгов казалась Рузвельту болотом, которое нужно скорее обогнуть, чтобы выйти к магистрали конструктивной политики.

На данном этапе формируется процедура выработки Рузвельтом внешнеполитического курса, этой процедуре он будет верен до конца. Нащупывая оптимальный курс на подходе к президентским обязанностям, Рузвельт ясно показал всем, что не собирается быть пленником той или иной группы теоретиков, той или иной идейной схемы. Выслушивая череду своих советников, начиная с Моли и Тагвела, он охотно соглашался

с каждым из них, но ободренные эксперты вскоре понимали, что заблуждались: президент принимал решение самостоятельно, опираясь на собственное понимание проблемы. Биограф президента А. Шлезингер отмечает: «Его излюбленной техникой было определять пределы ответственности неполно, оставляя полномочия неясными, сферы ответственности подчиненных — пересекающимися. В результате этой построенной на конкуренции теории управления часто возникало смятение и разочарование на оперативном уровне; но ни один другой метод не мог бы так надежно обеспечить в огромной бюрократической машине, переполненной амбициозными людьми, стремящимися к власти, к участию в принятии решений и власти их осуществлять, право окончательного суждения за президентом». Чтобы следовать избранной тактике, Рузвельт должен был скрывать свое подлинное мнение от самых преданных ему советников. Гансу Моргентау Рузвельт однажды сказал: «Никогда не позволяйте вашей левой руке знать, что делает ваша правая рука». Моргентау не удержался, чтобы не спросить: «Какой же рукой являюсь я, господин президент?» «Моей правой рукой, — последовал ответ, — но свою левую руку я держу под столом».

В ходе интенсивной работы на протяжении первых месяцев президентства Рузвельт выработал жесткий распорядок работы в Белом доме, и этот порядок сохранялся долгие годы.

Каждое утро, просыпаясь в своей выходящей на юг спальне, Франклин Рузвельт надевал хорошо знакомый близким старый серый свитер и располагался среди подушек, держа в руках пахнущие краской газеты. Рузвельт одновременно просматривал пять или шесть ведущих газет из Нью-Йорка, Вашингтона, Балтимора, Чикаго. Он читал их с выражением некоей мрачной решимости. Мало кто знал, как чувствителен он был к мнениям комментаторов. На поверхности — об этом свидетельствовали многочисленные пресс-конференции и радиобеседы «у камелька» — Рузвельт казался безмятежным. Лишь ближайшие сотрудники знали об «агонии» этих утренних часов. В половине девятого слуга вносил завтрак, который с годами становился все более обильным. Это были самые тихие и, возможно, самые продуктивные часы президента. Он размышлял и намечал решения. Разумеется, он еще выслушает много мнений (по обыкновению, с энтузиазмом соглашаясь с каждым), но примет он то решение, которое уже почти определил для

себя; теперь он лишь утверждался в своем суждении, развивая мысленно контраргументы.

Рузвельт, в отличие, скажем, от Вильсона, не был затворником, не был любителем одиночества. К нему постоянно обращались помощники, совещаюсь по поводу расписания дня и подлежащих решению проблем. Его вдохновляли люди, и довольно многих он делал вхожими в его спальню в эти часы размышлений. Обычно у его ложа находились Марвин Макинтайр — секретарь по вопросам определения встреч и визитов, личный врач — Росс Макинтайр, Стив Эрли — пресс-секретарь. К этим трем присоединялись Гарри Гопкинс — личный помощник, Фрэнк Уокер — помощник по общим вопросам. Рузвельт любил призывать к себе специалистов по тем или иным вопросам, причем любил делать это так, чтобы ни их коллеги, ни близкие советники не знали об этом. Комедия человеческих самолюбий забавляла его.

В десять часов слуга помогал ему разместиться в небольшом кресле-каталке, на котором довозил его до лифта, опускал на первый этаж, в Овальный кабинет. Здесь Рузвельт оставался до обеда. С двух до трех пополудни шла разборка почты и диктовка ответов на те письма, которые помощники специально отбирали для него из тысяч, получаемых Белым домом. Затем до пяти часов шли встречи и обсуждения. В пять вечера наступал «детский час» — подведение итогов дня. Коллегиальность правления сохранялась тем, что раз в неделю — в пятницу — президент собирал весь свой кабинет. По вторникам и пятницам устраивались мини-пресс-конференции для журналистов, правилом которых было не делать записей и не цитировать президента. За пятнадцать — тридцать минут Рузвельт излагал свое понимание текущих проблем избранному кругу журналистов, и те получали представление о главном направлении движения государственного корабля.

Чтобы гарантировать свой полный приоритет в решении международных проблем, в выработке внешнеполитического курса США, Ф. Рузвельт назначил в феврале 1933 года государственным секретарем Корделла Хэлла, который прошел всю лестницу выборных должностей. Он представлял штат Теннесси в палате представителей и в сенате с 1907 года, у него имелись немалые связи на Капитолийском холме. К. Хэлл родился в бревенчатой хижине первых поселенцев среди Камберлендских гор и, как «горец», обладал особой уверенностью в себе, готовностью вспыхнуть в споре. На окружающих он производил весьма приятное

впечатление внешней благообразностью, мягкостью и обходительностью, манерами южного джентльмена старой школы. Он был многословен и часто видел в политике арену постепенного достижения компромисса. Его интересы концентрировались в области тарифной политики, он считал, что повсеместное поднятие тарифов объективно уменьшает возможности получить влияние, соответствующее экономическому потенциалу. Протекционистские тарифы были для него «источниками всех зол», главными причинами конфликтов и войн. Стратегической целью Хэлла было добиться поворота от повсеместного протекционистского ажиотажа к ликвидации препятствий для мировой торговли.

Рузвельт осознавал свое преимущество — это было превосходство янки северо-востока, знакомого с внешним миром с молодых ногтей, — перед конгрессменом из далекого Теннесси. Кроме того, Хэлл импонировал ему верой в конечное торжество Америки, как основной экономики мира. Сыграло роль и то обстоятельство, что главный пост в правительстве традиционно передавался лояльному демократам Югу, что укрепляло позиции ФДР в партии и стране. Но Хэлл не был доверенным лицом президента и не входил в его внутренний круг. Он, по существу, отдал руль управления американской дипломатией президенту, ставя перед собой скорее практические задачи, чем грандиозные замыслы. После одной из встреч с ним Г. Стимсон записал в дневнике:

«Это такой пессимист... Сегодня он был в своей худшей форме. “Все идет к черту” было выражением, которое он постоянно повторял».

Первым из заместителей Хэлла Рузвельт назначил Уильяма Филипса, своего бостонского друга еще со времен общей службы у Вильсона, когда он — профессиональный дипломат осуществлял курс Вильсона в Англии и в Китае. Этим был создан очевидный контрбаланс Хэллу. Позже роль такого контрбаланса и «своего человека» в госдепе играл С. Уэллес. И все же над государственным департаментом следовало установить еще более строгий контроль. Верный Р. Моли был назначен помощником государственного секретаря по особым поручениям; самые насущные вопросы внешней политики так или иначе через Моли возвращались к Рузвельту. Правилom стало: полная спонтанность в обсуждениях, никакой спонтанности в решениях.

Рузвельт привлек в сферу внешней политики людей из разных слоев общества. Его внешнеполитические поручения

выполняли наряду с профессиональными дипломатами представители академических кругов, военные, богатые донаторы предвыборных кампаний, журналисты и попросту старые друзья. Но при внимательном знакомстве становится ясным выбор того или иного участника большой дипломатической игры. Как верно отмечает американский историк Р. Даллек, в каждом назначении видны черты рузвельтовского замысла. Либеральный историк У. Додд в Берлине должен был символизировать неприятие Америки нацистской политики. Посылка независимых по характеру, склонных к спонтанности У. Буллита и Дж. Дэвиса в СССР была связана с надеждами прервать негативную преемственность, улучшить американско-советские отношения. Позже представитель большого бизнеса А. Гарриман и бывший адмирал Дж. Стэндли в Москве явно не играли роли дипломатов, стремящихся нравиться, они были проводниками осторожного и не склонного к сближению курса. Послы Н. Джонсон в Китае и Дж. Грю в Японии символизировали преемственность политики Рузвельта с политикой президента Гувера на Дальнем Востоке. Рузвельт надеялся, что жесткий и своенравный посол Дж. Кеннеди восстанет в Лондоне против благодушия Н. Чемберлена и его политики примирения с Германией. Когда этого не случилось, Рузвельт заменил его далеким от философии английских тори либеральным экс-губернатором Нью-Хемпшира Дж. Вайнантом.

Всегда веря в личную дипломатию и желая начать движение по пути глобального восхождения, Рузвельт очень полагался на свой опыт и искусство импровизации. Уже в марте 1933 года он предложил англичанам свой визит в Лондон, хотя было очевидно, что на этой стадии у американской стороны нет приемлемых дипломатических предложений. Получив 31 марта согласие премьера Макдональда на встречу, Рузвельт развернул фронт своей инициативы, он пригласил представителей десяти стран — Франции, Германии, Италии, Японии, Китая, Аргентины, Бразилии, Чили, Мексики и Канады прибыть в Вашингтон и обсудить экономические беды мира. Все это, имея характер предварительных мер, может интересовать нас лишь в ракурсе показа общего стремления Рузвельта глобализировать американскую внешнюю политику.

Отклика со стороны Европы не последовало. Там усмотрели в предложениях Рузвельта дань экстравагантности.

Создавшееся ложное положение не обескуражило президента. Мы уже говорили, что у Рузвельта никогда не было комплекса неполноценности в отношении европейских политиков. Опыт первых месяцев президентства — встречи с премьер-министрами Англии, Франции и другими политиками старой Европы укрепили его в этом ощущении.

В Европе тоже относились к американской дипломатии без особого пиетета. В 1933 году Муссолини спросили об американской внешней политике. Он ответил: «У Америки нет политики».

С точки зрения диктатора, в стране гангстеров ее и не могло быть. При всем том дуче был недалек от истины. Большой мировой политики у США действительно не было. Заметим, что в первом инаугурационном послании Рузвельта не содержалось ни слова о событиях за рубежом. Рузвельт не поддержал идеи вступления США в Лигу Наций, где преобладали Франция и Англия. Более того, США в 1933 году нанесли решающий удар по идее созыва Международной валютной конференции. США откровенно поворачивались к внутренним делам, манкируя внешними.

Коренные изменения этой пассивности Рузвельт смог себе позволить лишь несколькими годами позже, уже тогда, когда Германия перевооружилась, Япония решительно встала на путь агрессии, Испания оказалась в огне гражданской войны. В первые годы пребывания Рузвельта у власти военная система США продолжала ослабевать. У Генри Форда было больше рабочих, чем солдат в вооруженных силах США. Когда Рузвельт посетил в 1934 году остров Оаху и военные власти решили показать ему учения, им пришлось создать «потемкинскую деревню» из нарисованных танков. Даже ветераны войны собрали 25 миллионов подписей под петицией с требованием расширить изоляционистское законодательство. Полмиллиона студентов заявили, что в случае объявления конгрессом войны они откажутся служить. Климат в стране не благоприятствовал акциям за ее пределами.

Именно это и было главной сложностью для Рузвельта как руководителя американской дипломатии. В то время как его деятельная натура питала глобальные замыслы, тогда, когда он внутренне оставался верен вильсоновскому стремлению к утверждению Америки как мировой державы, правящий класс США отвергал такую политику. Фактически весь период, начиная с 1933 года, года первой инаугурации и до 1941 года, когда

японцы своим нападением на Пирл-Харбор не оставили Америке альтернативы, был периодом борьбы Рузвельта против большинства в правящем классе. Это большинство считало, что для Америки опасно выходить с новыми попытками самоутверждения, что в результате США будут, как и во время Парижской мирной конференции, отброшены назад, что новые клемансо и ллойдджорджи объединятся против Америки, снова поставят ее на место. Синица в руке («доктрина Монро») была привлекательнее журавля в небе. В течение первых восьми лет президентства Рузвельт, по существу, лишь готовился осуществлять свои глобальные внешнеполитические намерения. И когда мы смотрим на 30-е годы, на внешнюю политику Соединенных Штатов периода господства в ней изоляционистов, мы видим подспудную, но постоянную и энергичную борьбу президента за то, чтобы забрать бразды правления во внешней политике в свои руки.

Американский конгресс, контролируемый изоляционистами, был одним из двух основных препятствий на пути глобализации американской политики. Вторым препятствием являлась Европа, создавшая своего рода единый фронт против президента Вильсона в 1918–1919 годах, а в 30-е годы с подозрением относившаяся к американским попыткам перевести экономическое могущество в политическое. Именно здесь, уже на раннем этапе (осень 1933 года), президент Рузвельт увидел, что, несмотря на взаимное ожесточение и явный раскол, и Германия, и ее противники с неудовольствием относятся к любым попыткам вторжения в европейские дела извне.

Верные помощники Рузвельта во внутренних преобразованиях — сенаторы У. Бора из Айдахо, Б. Каттинг из Нью-Мексико, Л. Фрейзиер и Дж. Най из Северной Дакоты, Х. Джонсон из Калифорнии и Р. Лафолет из Висконсина — были категорическими противниками формирования мировой дипломатии. Они боялись вторжения на международную арену, их страшило противодействие мощным европейским державам, они опасались резких внутренних потрясений в США вследствие милитаризации страны. Оппозиция этой группы влиятельных сенаторов надолго блокировала планы президента, уверенного в международном потенциале Америки.

Нужно сказать, что грандиозный экономический кризис, потрясший социальные основы США, требовал в эти годы при-

ложения всей энергии президента. Рузвельт был занят прежде всего реализацией своего «нового курса», откладывая активные действия за рубежом на более отдаленную историческую перспективу. В 1933–1938 годах Рузвельт не видел реальной возможности вторгнуться в европейскую политику. В самом деле, могла ли Америка с армией в 140 тысяч человек (в год вступления Рузвельта в должность) угрожать, быть арбитром, влиять на паритет в военной сфере? Гигант, потрясенный величайшим из кризисов, прилагал усилия в сфере экономической стабилизации, пытался сгладить социальные противоречия.

Стремясь увеличить расходы на внутренние программы, Рузвельт готов был еще более уменьшить военный бюджет и перенаправить деньги в экономику. На этом пути он столкнулся с начальником штаба армии генералом Макартуром. Это был трудный оппонент. В Белом доме Макартур без обиняков сказал: «Когда мы потерпим поражение в следующей войне и американский парень будет лежать в грязи с вражеским штыком в животе и вражеским сапогом на горле, я хочу, чтобы в своем проклятии он назвал имя не Макарура, а Рузвельта».

Президент побледнел и после паузы закричал: «Вы не должны так разговаривать с президентом!» Макартур был вынужден извиниться и предложить свою отставку. Рузвельт быстро пришел в себя. «Не валяйте дурака, Дуглас». Желая купить расположение строптивного генерала, военный министр Дж. Денн на следующий день сказал Макаруру: «Вы спасли армию». (Макартур остался верен своей репутации, он не желал видеть себя укрощенным. «Меня стошнило на ступеньках Белого дома», — вспоминал он в мемуарах.)

Мир, в котором Франклин Рузвельт начал с 4 марта 1933 года представлять США, был бурным и быстро меняющимся. Европа еще оставалась средоточием главной военной и промышленной мощи, но ее составные части все более антагонизировали друг друга. Основная угроза европейскому миру с января 1933 года стала исходить от Германии во главе с канцлером Гитлером. Соседи Германии справедливо опасались роста германского могущества. Обращиваясь к Европе, Рузвельт видел все большее ожесточение Германии, стремящейся к «равенству» в вооружениях со своими соседями. Франция, полная самых мрачных предчувствий, хотела иметь гарантии своей безопасности. Англичане, занятые укреплением внутримперских связей, требовали общего евро-

пейского разоружения (по крайней мере ограничений на те виды оружия, которое они называли наступательным).

К Рузвельту уже весной 1933 года поступала информация, что Германия, превратившаяся из веймарской республики в третий рейх, проявляет намерения встать на путь перевооружения. Закулисные сведения были самым громким образом подтверждены 16 мая 1933 года, когда канцлер Гитлер провозгласил эту цель перед рейхстагом.

В июле 1933 года посол США во Франции У. Буллит сообщал президенту, что французы считают войну в Европе неизбежной, а посол США в Италии Б. Лонг напоминал президенту о главном желании французов — иметь гарантии того, что США придут на помощь Франции в случае германского нападения. Рузвельт воспринимал угрозу агрессии серьезно. После встречи в мае 1933 года с президентом Германского банка Ялмаром Шахтом президент сказал Г. Моргентау, что европейские политики — «банда ублюдков» и что он видит «весьма большую возможность» войны с Германией.

Когда в октябре 1933 года Германия покинула Лигу Наций, США не могли выразить своего отношения к этому шагу на пути внутриевропейского ожесточения. Они, помимо прочего, не могли осуждать первый демонстративный жест нацистской Германии ввиду того, что сами не являлись членом Лиги. В качестве реакции на действия немцев государственный секретарь К. Хэлл телеграфировал американскому наблюдателю в Лиге Наций Н. Дэвису, что в США «широкое возмущение гитлеровским правительством совмещается с единодушным мнением, что мы не должны позволить себе вовлечения в европейское политическое развитие». Эти слова Хэлла можно определить как главную черту американской внешней политики первого пятилетия пребывания Рузвельта у власти. Провал женевских переговоров о разоружении в 1933 году совершенно лишил президента шансов на получение одобрения сената даже в таких, во многом ритуальных, вопросах, как вступление в Мировой суд. Наступила многолетняя пауза.

Главной дипломатической ареной действий Ф. Рузвельта в 30-е годы стала не Европа, а Азия. Напомним, что в марте 1933 года Япония вышла из Лиги Наций и фактически сняла с себя ограничения Вашингтонского договора 1922 года.

Формируя свою политику на Дальнем Востоке, Рузвельт полагался на посла США в Японии Дж. Грю, который учился вместе

с ним в Гротоне. Грю относился к президенту несколько скептически, хотя и признавал, что у того «все же есть воспитание». Но уже через год Рузвельт получил у однокашника высшие оценки: «У нас никогда не было президента, который выказывал бы такой непосредственный интерес к дипломатической службе».

А после очередного избрания Рузвельта президентом в 1940 году Грю писал ему:

«Вы ведете дела во внешней политике мастерской рукой, и я очень рад, что страна не лишилась вашего ясного видения, решимости и восхитительного мужества».

Еще не приняв присяги, Рузвельт должен был думать о том, какую позицию занять в отношении Японии, вставшей в 1931 году на путь открытой агрессии в Азии. Уже тогда существовали признаки того, что Япония не остановится в применении силы против любой препятствующей ей державы. Дж. Грю сообщал 23 февраля 1933 года, что «большая часть общества и армия под влиянием пропаганды пришли к выводу о неизбежности войны Японии с Соединенными Штатами, либо Японии с Россией, либо с обеими странами сразу». Посол передавал в высшие американские дипломатические инстанции сведения об укреплении и высокой эффективности японской армии и флота, об их самоуверенности. Дж. Грю писал в мае 1933 года: «Япония, возможно, обладает наиболее совершенной, сбалансированной, скоординированной и поэтому наиболее могущественной военной машиной в современном мире... В то же время японские вооруженные силы рассматривают Соединенные Штаты в качестве своего потенциального противника».

Япония окончательно лишилась страха перед вмешательством западных держав и США. В те дни, когда Рузвельт писал свою инаугурационную речь, Квантунская армия направила удар из Маньчжурии на запад и за две недели захватила значительную часть Северного Китая вплоть до Великой китайской стены.

Западные державы реагировали на японские военные успехи своеобразно. Двадцать седьмого февраля 1933 года британский министр иностранных дел Саймон объявил, что его правительство вводит запрет на военные поставки Японии и Китаю. Японии с ее мощной военной промышленностью этот запрет не причинил хлопот, но Китай зависел от военных поставок. Да и в любом случае английские действия обесмысливались тем, что другие страны (в первую очередь США) продолжали торговлю оружием

и не собирались следовать английскому примеру. В такой конъюнктуре Лондон 13 марта 1933 года отменил свое недолговечное эмбарго. Этот эпизод привлек внимание к американской торговле оружием — прямому пособничеству агрессору.

Под воздействием обеспокоенных политических кругов в американском сенате был принят законопроект о предоставлении президенту права введения эмбарго на поставки вооружения. Но Рузвельт предпочел не воспользоваться данным ему правом. В мае 1933 года представитель госдепартамента, выступая перед сенатской комиссией по иностранным делам, заявил, что администрация не намерена предпринимать сокращение поставок оружия Японии, если это может привести к японской блокаде китайского побережья. США являлись главным поставщиком дефицитных материалов и стратегического сырья для японской военной промышленности, переживавшей бум с началом агрессии в Китае. Сразу же после вторжения японских войск в северо-восточные провинции Китая поток военно-стратегических материалов из США в Японию возрос во много раз. Несмотря на острое соперничество, представители военно-морского флота США полагали, что «не только позволительно, но и желательно продавать военное снаряжение Японии».

Американский акт об эмбарго на поставки вооружений сохранил ту же вопиющую несправедливость, что и краткосрочная мера Англии: правительство могло вводить эмбарго лишь в отношении обеих воюющих сторон. Таким образом, агрессор и его жертва ставились в одинаковое положение, а помощь нужна была прежде всего необеспеченному Китаю.

Взгляды Вашингтонского правительства во многом определялись донесениями посла США в Японии Дж. Грю. Двадцать седьмого января 1933 года он пишет в дневнике, что с политической точки зрения оккупация Маньчжурии японцами принесла много преимуществ. Созданное и управляемое японцами на северо-востоке Китая марионеточное государство Маньчжоу-Го будет служить бастионом на пути большевизма. (Через три дня с той же задачей «на пути большевизма» в Германии встал Гитлер.)

После бесед с китайским послом и интенсивной переписки с послом Грю чиновник дальневосточного отдела госдепартамента С. Хорнбек направил государственному секретарю в мае 1933 года серию меморандумов, главной идеей которых было предложение дать японской военной агрессии «исчерпать себя». С. Хорнбек

предлагал предоставить Японии полную свободу действий с тем, чтобы «отчетливо знать ее намерения». Это был пик политики попустительства. Но аргументы американского дипломата встретили понимающий прием в высших правительственных кругах, дошли до президента. В Вашингтоне хотели знать, куда направится острое японской агрессии. В результате США ни малейшим образом не отреагировали на японскую весеннюю кампанию 1933 года в Китае. В мае посол Грю писал в японской «Джапан таймс»:

«Мы должны бороться за продолжение существования дружеских отношений между Японией и Соединенными Штатами... Судьба грядущей эры Тихого океана лежит в наших руках».

Со своей стороны японская дипломатия пыталась после захвата Маньчжурии улучшить отношения с США. Посол Сайто объяснял американцам, что целью Японии в Маньчжурии является восстановление закона и порядка. На страницах влиятельнейшего американского журнала «Форинафферс» премьер-министр Вакацуки доказывал, что материковая экспансия — историческая судьба Японии. Он «не видел» причин для американского противодействия естественному процессу «сближения» Японии и Маньчжурии, представляющему для Японии вопрос жизни и смерти. Но чаще всего в эти годы японцы использовали аргумент о «доктрине Монро» для Азии, по аналогии с практикой американцев в Западном полушарии. «Мир будет поделен, — писал один из влиятельных японских идеологов, — на три зоны влияния — американскую, европейскую и азиатскую доктрины Монро».

Такой передел мира не устраивал Рузвельта. Он в конечном счете отреагировал на японскую экспансию действиями на двух направлениях. Во-первых, он увеличил Тихоокеанский флот США, во-вторых, он встал на путь сближения с СССР, как потенциальным союзником в деле нейтрализации японской агрессии (и возникающей нацистской угрозы в Европе).

В июне 1933 года президент запросил 238 миллионов долларов для строительства тридцати двух кораблей водоизмещением 120 тысяч тонн. Это была самая большая программа военно-морского строительства с 1916 года. В начале 1934 года согласно закону Винсона — Трамбела США вышли за пределы тоннажа, обусловленного Вашингтонской конференцией 1922 года и Лондонским морским договором 1930 года.

Действия в направлении нормализации отношений с СССР стали важнейшей дипломатической акцией первых лет пребывания Рузвельта в Белом доме. В отличие от своих республиканских предшественников Рузвельт решил покончить с несуразицей американской политики последних десятилетий, признать величайшую страну — Советский Союз.

Впрочем, он действовал осторожно. Ему было необходимо заранее определить, не вызовет ли признание этого дальневосточного государства разногласий в правящем классе США. С первых шагов на политической арене он знал, что для эффективной политики за рубежом необходимо согласие внутри. Для крупномасштабных, амбициозных планов, которые были у Рузвельта, ему требовалась гарантия того, что энергичные меры, порывающие с традицией, не расколют внутренний фронт. Пример Вильсона, приведшего к фиаско первую попытку США утвердиться в качестве лидера западного мира, стоял перед его глазами: Вильсон не сумел выковать единства дома. Рузвельт страшился повтора, отсюда его осторожность.

Вначале следовало показать публике, что вопрос о Советской России лишь рассматривается и не решен окончательно. Втайне от общественности Рузвельт попросил сенатора Свенсона, члена комиссии по иностранным делам, начать дискуссию о смысле непризнания крупнейшей мировой державы, о том, что США теряют, не имея контактов с СССР, и что они могли бы приобрести, имея такие контакты. Реакция на дискуссию позволяла судить, как воспринимают проблему бизнес, средства массовой информации, правительственные чиновники, интеллигенция и прочие группы населения. Лишь к апрелю 1933 года стало ясно, что значительная часть правящей элиты склоняется в пользу признания. Об этом говорил опрос 329 национально известных американцев, меморандум восточноевропейского отдела госдепартамента, обзор редакционных статей крупнейших газет, массовая (шестьсот семьдесят три тысячи подписей) петиция избирателей штата Массачусетс.

Но еще важнее для Рузвельта было определить, что станет означать признание СССР для того расклада международных сил, который он наследовал в 1933 году. В Германии к власти пришли нацисты, открыто отрицавшие законность Версальского договора. В Японии милитаризм взял верх над буржуазной демократией и бросился на свою первую жертву — Китай. В обоих случаях,

грозящих детонированием в других регионах, Советский Союз мог бы явиться прочной основой сопротивления агрессивной ломке мирового порядка — ведь и нацистская Германия и милитаристская Япония непосредственно ему угрожали.

Рузвельт всегда ценил информацию из первых рук. По просьбе президента его друг Ф. Франкфуртер, знаменитость из Гарвардской школы законовещения, наладил контакт с советскими представителями в США. Президент затребовал информацию от аккредитованных при Белом доме журналистов. В Белый дом без излишней огласки прибыл полковник Х. Купер, получивший высшие советские ордена за участие в строительстве Днепрогэса.

Какие цели преследовал президент Рузвельт, встав на путь признания СССР? С одной стороны, он хотел открыть рынок этой страны для американской промышленности — бизнес оказывал определенное давление в этом направлении. С другой стороны — и это для международных позиций США было более важно — он желал получить союзника в условиях резко ухудшавшихся отношений с Японией. Но эту линию своей политики американцы проводили тайно. СССР также стремился к дипломатическому сближению с США в свете прямой угрозы, возникшей с агрессией Японии в Азии, начатой в 1931 году. Но государственный департамент посчитал необходимым специально указать японцам, что дипломатическое признание Советского Союза не следует рассматривать как антияпонский шаг.

«До начала Второй мировой войны Соединенные Штаты никогда не отклонялись от этой линии. Дважды в течение двух лет, в 1934 и 1937 году, американские официальные лица отвергали советские предложения о выработке совместной политики в отношении Японии и нацистской Германии», — пишет американский исследователь.

Ключевой фигурой в процессе улучшения отношений с СССР с американской стороны стал руководитель Организации фермерского кредита, а затем министр финансов Г. Моргантау. Рузвельт впервые встретил его в 1915 году, когда стремился укрепить свое влияние в среде демократической партии Нью-Йорка. Моргантау был выходцем из богатой еврейской семьи, эмигрировавшей из Германии. Это был высокий, тяжеловесный, неуклюжий человек. Его семья уже пробилась в истеблишмент. Отец Генри Моргантау служил при президенте Вильсоне послом

США в Турции. Моргантау были соседями Рузвельта в штате Нью-Йорк и оказали ему политическую поддержку с самого раннего периода.

Именно Г. Моргантау и У. Буллит, знакомым с его намерениями, поручил Рузвельт в октябре 1933 года войти в контакт с представлявшим интересы СССР в США Б. Сквирским. Моргантау пригласил Сквирского в свой оффис и, согласно указаниям президента, объявил, что «через пять минут явится Буллит из государственного департамента и покажет вам неподписанный текст. Лицо Сквирского осветилось широкой улыбкой. Буллит появился на той стадии, которую обозначил ему президент, он сел и сказал Сквирскому:

«В моей руке неподписанный документ. Его можно превратить в приглашение вашей стране послать сюда представителей, чтобы обсудить отношения между нашими странами. Мы хотели бы, чтобы вы телеграфировали содержание этого документа вашим самым секретным шифром и хотели бы узнать, приемлемо ли его содержание вашим людям... Если оно будет приемлемо, президент подпишет этот документ. Если его содержание будет неприемлемо, вы дадите мне слово чести, что этот документ никогда не станет достоянием гласности».

Рузвельт внимательно следил за настроением прессы. Государственный департамент сделал обзор трехсот газет за месячный период. Общественная организация — Американский фонд сделала обзор 1139 газет и, по ее данным, 63 процента из них выступали за дипломатическое признание СССР. В среде правительства против признания выступали государственный секретарь К. Хэлл и министр почт Дж. Ферли — их взгляды отражали оппозицию религиозных организаций.

Переговоры между народным комиссаром иностранных дел М. Литвиновым и американскими руководителями проходили в период между 8 и 16 ноября 1933 года. Решающей была встреча народного комиссара с президентом 10 ноября 1933 года. Утром состоялась часовая встреча, вечером два политика беседовали три часа, договорившись называть друг друга по имени. Обсуждались вопросы религиозной свободы, долгов и многое другое. Главное же было то, как СССР и США рассматривали свои позиции в свете возникновения в мире мощных сил, готовых к жестким решениям. Договоренность о восстановлении дипломатических отношений была обнародована 17 ноября 1933 года.

Первый посол США в СССР У. Буллит являлся необычной фигурой в среде дипломатов, рекрутированных Рузвельтом. Это был человек крайностей, довольно легко меняющий взгляды, амбициозный и подозрительный. В феврале — марте 1919 года он вел переговоры с Лениным и полагал, что выработал основу новых взаимоотношений двух стран, но его выводы были отвергнуты президентом Вильсоном, что и послужило причиной ухода Буллита с дипломатического поприща. Из близкого сотрудника Вильсона Буллит быстро превратился в его активного политического противника. Рузвельт дал ему второй шанс проявить себя в дипломатии на «русском фронте».

Первые послания Буллита из Москвы в 1933–1934 годах говорят о советских руководителях как об «интеллигентных, софистичных, энергичных» людях, которых нельзя «убедить потерять свое время с обычным дипломатом». Их восхищают только те, «кто демонстрирует первоклассный ум и широкий масштаб как личность. К примеру, они восхищаются молодым Кеннаном, прибывшим со мной». Сталин дал Буллиту гарантии безусловной доступности: «Дайте мне знать, и мы тотчас же встретимся». К слову сказать, Сталин произвел на Буллита впечатление «выносливого цыгана с прошлым и эмоциями, недоступными моему пониманию». Думается, что определенное сближение и взаимопонимание длились до тех пор, пока Рузвельт ощущал необходимость в СССР как противовесе Японии на Дальнем Востоке. В середине 30-х годов Вашингтон приходит к выводу, что с Японией он найдет модус вивенди в двусторонних контактах. Это ослабило притягательность активной американской политики на советском направлении.

Склонность Буллита к крутым поворотам проявилась наглядным образом и в данном случае. Охлаждение собственного правительства как причину ухудшения климата в двусторонних отношениях он не принимал. В то же время им чрезвычайно преувеличивалась значимость таких акций, как приглашение на VII конгресс Коминтерна делегации американской компартии «без согласования с ним» (!). Теперь, спустя всего год после очевидного улучшения отношений, он требовал их разрыва. Американский посол поощрял журналистов писать антисоветские статьи и постоянно говорил о том, что его миссия в Москве потеряла смысл. В середине 1936 года он принял предложение Рузвельта стать послом США во Франции. С этих пор он был энергичным противником улучшения советско-американских отношений:

«Проблема контактов с правительством Советского Союза является частью проблемы отношения к коммунизму как воинственной вере, направленной на мировую революцию и “ликвидацию” (то есть убийство) всех в нее не верующих».

Буллит стал склоняться к мысли, что задачей США в Европе должно быть «поощрение примирения между Францией и Германией». Буллит еще появится в этой истории, и, пожалуй, самым важным периодом его воздействия на Рузвельта будут 1943–1944 годы, когда Рузвельт размышлял о послевоенном мировом порядке и роли в нем советско-американских отношений.

Рузвельт заменил Буллита в Москве человеком, который поддерживал его в политической жизни США со времен Первой мировой войны — богатым висконсинским адвокатом, немало послужившим на федеральных постах — Дж. Дэвисом. Он прибыл в СССР в начале 1937 года. Дэвиса довольно часто рисуют уникальной наивностью, поверившей в аутентичность процессов 1937 года. Меньше обращается внимание на то, что анализ процессов не был его главной задачей. Рузвельт послал его с другой целью, более прагматической — «не передавать правительству аккуратную информацию, а завоевать доверие Сталина». И Дэвис не видел особой опасности в Коминтерне. Он полагал, что, переходя к строительству социализма в одной стране, Сталин не будет представлять никакой угрозы Америке. Он определенно антагонизировал штат американского посольства в Москве, настроенного на лад идеологической борьбы, но имел доверие президента, что в данном случае наиболее существенно. Дэвис предпочитал не совещаться с аналитиками в закрытых кабинетах, а давать пространные интервью в газетах, благожелательно освещая политику советского руководства и становясь персоной грата в ее глазах. Рузвельту было важно в период второго этапа японской агрессии против Китая (в 1937 году) наладить канал связей со страной, также ощущавшей опасность, исходившую от Японии.

Нужно сказать, что во второй половине тридцатых годов в Вашингтоне интересовались Советским Союзом прежде всего как фактором в тихоокеанском раскладе сил. Что касалось граничащей с СССР Восточной Европы, то именно в это время один из ведущих чиновников госдепартамента — А. Лейн утверждал, что «восточноевропейский регион является наименее важным регионом в мире, с точки зрения интересов США». Это выска-

зывание особенно любопытно в свете дебатов, развернувшихся в США после 1945 года. Заместивший Дж. Дэвиса на посту посла США в Москве Л. Стейнхард писал о советском руководстве в 1940 году: «Они являются реалистами, если в этом мире вообще есть реалисты».

Среди американской элиты выделялись два подхода к объяснению советской внешней политики. Убедительно противопоставляет их американский историк Д. Йергин. Сторонники первого подхода исходили из того, что Советский Союз, как лидер революционного движения в мире, отвергал (открыто или тайно) возможность мирного сосуществования с капитализмом, был привержен неукротимой идеологической борьбе и руководствовался мессианским стремлением к мировому могуществу. Такой подход Д. Йергин называет «рижской аксиомой». Принять эту аксиому означало коренным образом усомниться в возможности дипломатического урегулирования отношений с Советским Союзом. «Рижская аксиома» идейно объясняла предвоенную враждебность СССР и США и готовила «холодную войну».

«Рижской» она называется потому, что для более детального знакомства с советской практикой и оценки внешнеполитического курса СССР государственный департамент в 20–30-е годы полагался на американскую миссию в Риге, столице буржуазной Латвии. Именно в этой миссии осуществлялись главные аналитические проекты, касающиеся проблем выработки американской политики в отношении Советского Союза. Именно из этой миссии исходили постоянные предупреждения в отношении «советской угрозы». Они направлялись в русский отдел государственного департамента (существовал до 1929 года, затем был введен в состав восточноевропейского отдела). Начальник этого отдела Р. Келли непосредственно контролировал работу русской секции посольства в Риге. Он выдвинул и протезировал плеяду молодых советологов, среди которых выделялись Дж. Кеннан и Ч. Болен (будущие послы США в СССР). Когорта этих деятелей полагала, что союз Америки с СССР исключен при любых обстоятельствах. (Кеннан: «Никогда — ни в то время, ни в любое другое — я не рассматривал Советский Союз как подходящего союзника и партнера, действительного или потенциального, для моей страны».)

После нападения Германии на СССР «рижская аксиома», — как пишет Д. Йергин, — претерпела потерю убедительности. В со-

ветско-американских отношениях началась новая фаза, которая привела к опыту, радикально отличающемуся от опыта советского подразделения государственного департамента в межвоенные годы. Новое представление, основанное на новых предпосылках, вышло на первый план. К тому же был создан механизм решения политических проблем в обход государственного департамента».

Рузвельт придерживался другого подхода, который отчетливее всего проявился позднее, в Ялте, и может быть назван «ялтинской аксиомой». В ее основе лежало убеждение, что роль идеологии определенно завышена, что СССР ведет себя как традиционная великая держава, стремящаяся действовать в рамках системы международных отношений, а не за ее пределами. Рузвельт, при всех колебаниях, стоял именно на этой позиции. Он не считал, что СССР представляет собой непосредственную опасность для США. Более того, Советский Союз противостоял реальным противникам Америки и в Европе, и в Азии. «Неприсутствующие» в Европе Соединенные Штаты смотрели в середине 30-х годов более внимательно на азиатскую арену. Американское посольство регулярно, через каждые две недели, сообщало в Вашингтон о состоянии японо-советских отношений. Иногда американские дипломаты демонстрировали неумеренный алармизм. Посольство, в частности, предсказывало нападение Японии на СССР в 1935 году, когда японская армия завершит свою модернизацию. По мнению посольства, японцы не станут откладывать начало военных действий на более поздний период, так как всякая отсрочка будет на руку Советскому Союзу, энергично осуществляющему свою оборонительную программу на Дальнем Востоке.

В то же время американский посол в Китае Джонсон писал в донесениях государственному секретарю, что ближняя цель японцев — создание особого режима в Северном Китае, номинально находящегося под главенством Нанкина, но управляемого ставленниками японцев. Конечная цель — «распространение контроля над Китаем, уничтожение всякой эффективной военной оппозиции в Китае, создание благоприятных для Японии условий эксплуатации азиатского материка». Коллега Джонсона в Токио посол Грю определил перспективу японского нажима как направленную на создание «огромной империи, состоящей из Маньчжурии и Северного Китая» под контролем Японии.

По мере приближения Лондонской конференции 1935 года по морским вооружениям становилось все более ясным, что япон-

ская сторона отвергает прежнее соотношение в основных классах флотов США, Англии и Японии. Японский посол в Вашингтоне уже открыто говорил, что ему не кажется справедливым это соотношение, что в ушах японцев оно звучит как «Роллс-Ройс — Роллс-Ройс — Форд». Быть скромным «Фордом» на фоне двух мощных «Роллс-Ройсов» Япония не желала. На открывшейся в Лондоне в конце 1935 года конференции Соединенные Штаты должны были решить для себя вопрос, согласны ли они на паритет с Японией. Последняя уклонилась от обсуждения вопроса, предоставив американским дипломатам «агонизировать» в одиночестве. Новый договор, подписанный в марте 1936 года Англией, США и Францией, имел мало смысла — это соглашение никак не ограничивало Японию и Италию. Япония заявила о том, что не подчиняется прежним договорным ограничениям. И когда японцы ушли с конференции, а англичане объявили о расширении военно-морского строительства, президент Рузвельт потребовал реализации самой большой для американской истории мирного времени военно-морской программы (предложено было построить, в частности, два новых линкора).

В то же время наличие возражений и у Англии, и у Японии оживляло перспективы возобновления англо-японского договора. Против этого в Вашингтоне готовы были сражаться всеми доступными средствами. В ноябре 1934 года Рузвельт приказал своему представителю Н. Дэвису «донести до сознания английских политиков мысль, что если Великобритания предпочтет сотрудничеству с нами сотрудничество с Японией, я буду вынужден в интересах американской безопасности повлиять на общественное мнение в Канаде, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке, решительно подводя эти доминионы к пониманию того, что их будущая безопасность связана с нами, с Соединенными Штатами». Столь страшная перспектива возымела действие, и Англия пошла на попятную. В конце концов у нее имелась общая с США заинтересованность не допускать «излишнего» усиления Японии на Дальнем Востоке.

В тот самый исторический момент, когда агрессор начал развертывать свои силы на азиатском континенте, Рузвельт пришел к выводу, что конфликт с Японией слишком дорогостоящ, цели неопределенны, цена неприемлема. Вашингтон вооружился политикой нейтралитета в качестве главенствующего подхода к Японии в середине и второй половине 30-х годов.

«Принятие законов о нейтралитете в тридцатые годы было менее всего выражением внутренних побуждений президента, это был результат реалистической калькуляции того, что он мог достичь в стране и за рубежом», — пишет Р. Даллек.

Рузвельт, подсчитав силы, согласился на пассивную внешнюю политику. «Между 1935 и 1938 годами его нежелание открыто противостоять агрессии в Эфиопии, Испании, Китае, Австрии и Чехословакии исходило не из изоляционистского импульса или желания умиротворить агрессоров, а главным образом из решимости сохранить способность воздействовать на критические по значимости явления на внутренней арене».

Хотя период 1933–1938 годов справедливо может казаться своего рода потерянным временем во внешней политике США, более внимательное знакомство с ним позволяет сделать иные выводы. В этот «эмбриональный» период формирования своей политики Ф. Рузвельт обозначил многие главные цели, практическая реализация которых началась позже. Именно тогда США, озабоченные созданием новой мировой структуры, признали дипломатически важнейшую политическую силу на своем горизонте — СССР. Желая зарезервировать за собой право на собственный вариант мирового распределения сил, американская дипломатия в эти годы выдвинула так называемую «доктрину Стимсона», доктрину непризнания насильственных территориальных перемен в мире. Стремясь укрепить свой тыл — Западное полушарие, президент Рузвельт постарался уверить латиноамериканских соседей (на конференции в Монтевидео в 1933 году), что США будут избегать односторонних действий в непосредственном окружении. Тому же служил демонстративный отказ от «поправки Платта», которая являлась прежде юридической основой вмешательства в кубинские дела. Отступая (фактически) перед лицом Японии в Азии, администрация Рузвельта постаралась в эти годы заложить основу более конструктивной азиатской политики: Рузвельт благословил акт Тайдингса — Макдаффи, содержащий обещание в будущем предоставить Филиппинам независимость.

Рузвельт в 30-е годы, тот Рузвельт, который с детских лет знал Европу и всегда считал, что Америка обязана потеснить европейско-японское влияние в мире, должен был вести долгую позиционную войну с конгрессом, с общественным мнением своей страны, с преобладающим отрядом правящего класса,

не уверенного в возможности для США успешно утвердиться на новых мировых позициях. Рузвельт ждал своего шанса, он ждал исторической возможности, которую обещало разделение европейских сил на две коалиции.

Для того чтобы на сей раз успешнее, чем это пытался сделать Вудро Вильсон, взломать структуру европоцентрического мира, следовало воспользоваться внутриевропейским расколом. В данном случае не было нужды, подобно Вильсону, изображать, что официальный Вашингтон нейтрален «в мыслях и действиях» по отношению к обеим складывающимся в Европе враждебным друг другу коалициям. Рузвельт не делал особой тайны из того, что недоверие к Германии сохранилось у него со времени Первой мировой войны; 1918 год не ликвидировал, полагал он, угрозу Германии Европе и всему миру. Рузвельт был недоволен тем, как союзники обошлись с Германией — по его мнению, немцы избежали подлинного наказания за свои военные преступления. И приход Гитлера к власти в 1933 году обострил это чувство. Нейтральные и не участвующие в работе международных организаций Соединенные Штаты конкретными действиями не откликнулись на приход нацистов к власти. Но администрация Рузвельта дала ясно понять, что с этой Германией у нее не может быть близких и дружественных отношений. Все старания нацистской дипломатии расколоть Запад за счет улучшения отношений с США не удалось.

Напротив, заметно «потепление» отношения Америки в 1933–1937 годах к строптивым прежним союзникам — неплательщикам военных долгов — Англии, Франции, а также к скандинавским странам, Голландии и Бельгии. Большого не позволял Рузвельту изоляционистский конгресс, да и «флюидная» обстановка требовала тщательной калькуляции, прежде чем определить более решительный курс.

Важнейшим шагом, который предпринял президент Рузвельт в ответ на изменившуюся обстановку в Европе, стало, повторяем, дипломатическое признание Советской России. В США, да и в Европе, дипломатическое признание СССР воспринималось как результат внутренних американских процессов: демократы отвергли абсурдную республиканскую позицию непризнания, либералы выступили за право России на социальный эксперимент, бизнесмены хотели получить новые рынки. Все эти соображения имели определенную значимость. Но мало кто тогда видел геополитическое значение взятого Рузвельтом курса. А президент

полагал, что, как и в 1914 году, Германия будет неудержима, если с Востока против нее не выступит Россия, а с Запада — Америка. И несколько удивительно то, что даже лица, хорошо знавшие о неприятии Рузвельтом нацизма, не усмотрели стратегической значимости принятого им в ноябре 1933 года решения.

В период, когда возможности для активного вмешательства в океанские дела были ограничены, Рузвельт сделал центром своих усилий создание «рычагов» военного воздействия на агрессоров в отдаленных регионах. Такими рычагами становились авианосцы, объединявшие морскую мощь прежних времен с ударной силой двадцатого века — авиацией. Рузвельт хотел сделать радиус их действия максимально широким. В записке, адресованной сыну Джеймсу, но предназначенной для Р. Нойбергера (позднее ставшего сенатором), Ф. Рузвельт отмечал, что оборона двух океанских побережий США должна пролегать по линии, отстоящей на «три или четыре тысячи миль» в море. С ближайшим окружением Рузвельт уже в середине 30-х годов делился той схемой, которая все более закреплялась в его сознании: США следует иметь силы, которые «передвинули» бы линию обороны страны за океаны; при этом Британские острова надо использовать как бастион Америки, как передовую базу распространения американского влияния; континентальные дружественные страны должны служить буфером между США и германо-японцами.

Задача расширения зоны американского влияния стала совпадать с задачей блокирования агрессоров Европы и Азии. Этот момент не нужно упускать. На самой ранней стадии второй попытки США выйти в мировые лидеры американское руководство совмещало «праведные и неправедные мотивы», а именно — оборону против потенциальных агрессоров и распространение своего мирового влияния. Лишь учитывая оба эти момента, мы можем понять историю сороковых годов, их первой и второй половины.

Франклин Рузвельт чрезвычайно любил глобусы и карты. Его память и умозрительные представления на этот счет были удивительны. В середине 30-х годов он все чаще начинает задумываться над картами Европы и Северной Африки. Подлинным буфером в борьбе за Европу Рузвельт считал Испанию — испанские Пиренеи виделись ему естественным препятствием на пути державы, которая задумала бы захват Европы. Англия и Испания — вот две ключевые страны, получить влияние в которых Рузвельт считал необходимым в борьбе за Европу. Стратегическим пред-

польем в этой борьбе для США должна была стать, по мнению президента, Африка.

Рузвельт рассчитывал, что Англия, потерявшая преобладание на морях, теряющая влияние на европейском континенте и рассредоточившая свои силы в защите империи, выступит естественным союзником США. В известном смысле США будут наследовать — спустя столетие — Англии в ее стремлении к мировому доминированию. Второй из предполагаемых бастионов в Европе — Испания — был далеко не так предрасположен войти в американскую зону влияния. Подготовить ее к такой роли следовало посредством целенаправленной политики. Трудности представляло не наследие 1898 года, полагал Рузвельт, а текущая политическая эволюция Испании. Как помочь утвердиться в Мадриде дружественным силам? В ходе гражданской войны (1936–1939) Рузвельт все больше приходил к выводу, что победа любой из воюющих сторон не сулит увеличения американского влияния на Пиренейском полуострове.

Ф. Рузвельт желал укрепить дипломатические позиции Америки усилением ее военного потенциала. «Неодолимых» пацифистов он убеждал тем, что военно-морское строительство повлияет на занятость в стране. Министерство военно-морского флота заготовило цифры: программа строительства создает занятость представителей 125 профессий, участие квалифицированных рабочих из всех уголков страны. Но главное, писал Рузвельт, это строительство «поставит нас вровень с военно-морским флотом Японии, которому наш военно-морской флот, возможно, уступает».

Видимо, впервые чувство, что европейские события опять роковым образом скажутся в США, появляется летом и осенью 1934 года. В июне прекратились заседания Женевских переговоров по разоружению, затем последовали фашистский путч в Австрии с убийством канцлера Дольфуса, убийство в октябре в Марселе югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Барту. Именно об этом — и о желании вмешаться в европейскую ситуацию — говорит письмо президента Рузвельта послу США в Берлине У. Додду (август 1934 года). «Я пытаюсь увидеть какой-либо луч надежды, который дал бы мне возможность протянуть руку помощи. Но ныне пока ничего подобного не видно».

Брожение в европейской политике, шаги по формированию двух коалиций не остаются без внимания президента. В своем

послании «О положении страны» на 1935 год он предупреждает соотечественников: «Международная ситуация не улучшилась... Многие старые распри вышли на поверхность, старые эмоции разбужены, возникла новая тяга к вооружению и обретению мощи».

Через месяц после этого послания Америка уже находилась в другом мире. Отстояние от планетарных дел становилось все более дорогим удовольствием. В феврале 1935 года фашистская Италия послала свои войска в Эфиопию. В марте Германия провозгласила планы создания армии в 550 тысяч человек и объявила, что вопреки Версальскому договору у нее уже имеются военно-воздушные силы. Оценивая эти события, Рузвельт писал своему послу в Риме Б. Лонгу: «Я не исключаю, что мы находимся в июне или июле 1914 года».

Мы видим, что для Рузвельта события в Европе были причиной действительно больших опасений и надежд. Под их влиянием он запросил у конгресса 1,1 миллиарда долларов на укрепление вооруженных сил — немыслимая тогда для мирного времени сумма, беспрецедентный военный бюджет. Мощные политические силы в стране восприняли это прежде всего как неоправданный риск. Левые органы печати справедливо указали на 20 миллионов американцев, стоящих в очереди за пособием — им, а не военному ведомству нужна была экстренная помощь. Ветераны Первой мировой войны прошли маршем по Вашингтону в восемнадцатую годовщину вступления США в эту войну. Читаящая Америка обсуждала книгу У. Миллиса «Дорога к войне: Америка, 1914–1917», в которой говорилось, что вступления в войну, а с этим и ее жертв можно было избежать.

Конгресс принимал нейтралистские акты, а общее настроение было не в пользу активной внешней политики. Но Франклин Рузвельт в эти месяцы — апрель и май 1935 года — приходит к убеждению, что появляется шанс выйти в воды большой мировой политики. Моргентау свидетельствует, что президент рассматривал возможности того, что «Англия, Франция, Италия, Бельгия, Голландия, Польша и, возможно, Россия сплотятся вместе и выработают десятилетнюю программу разоружения... Они предложат Германии подписать этот пакт. Если она откажется, эти страны установят двустороннюю блокаду Германии, не позволяя ничему ввозиться или вывозиться из Германии... Мы пошлем туда нашего адмирала, который будет помогать

в досмотре наших судов, чтобы не нарушать блокаду. Если это не поможет, тогда возникнет вероятность мировой войны».

Рузвельт попытался привлечь на свою сторону кадровых дипломатов и тут же обжегся. Заместитель государственного секретаря Филипс после доверительных бесед с президентом отметил в дневнике, что Рузвельт «полностью ушел с прямой дороги». Тогда президент обратился к «верным» людям, к геополитикам вильсоновского периода. В апреле 1935 года Рузвельт начал переписку с самым доверенным советником Вильсона — полковником Хаузом. Опыт Хауза, опыт первого активного участия Америки в большой политике казался Рузвельту чрезвычайно существенным.

Между тем страна шла противоположным желаемому Рузвельтом путем: 31 августа 1935 года конгресс принял Акт о нейтралитете, который запрещал предоставлять воюющим странам займы, кредиты, оружие и любые другие стратегические товары. Ныне, издаലെка, видно, что Рузвельт резко противился изоляционистскому законодательству. Начиная с января 1935 года он ослабил активность на арене внутреннего законодательства — чтобы получить возможности маневра в отношениях со сторонниками изоляционизма на Капитолийском холме. И лишь увидев обреченность своих усилий, Рузвельт в середине 1935 года оставил подобные занятия. Изоляционизм был явно сильнее. В Белом доме к такому заключению пришли в конце июля 1935 года. «Если мы не можем их победить, присоединимся к ним». И Рузвельт инструктировал «своих» сенаторов присоединиться к изоляционистам, чтобы иметь возможность использовать само это законодательство как своего рода «аргумент» в разгорающемся мировом споре. Одновременно ему хотелось сделать законодательные акты более гибкими. На заседании кабинета 26 июля 1935 года он пообещал поддержку нейтралистского законодательства в обмен на «свободу действий в применении эмбарго». И потерпев поражение, вынужденный подписать в сентябре 1935 года Акт о нейтралитете, Рузвельт сказал: «История полна непредсказуемых поворотов, которые требуют гибкости в действиях. Можно представить себе ситуации, в которых абсолютно негибкие положения первого раздела данного Акта могут произвести эффект, противоположный предполагаемому. Другими словами, эти негибкие положения могут вовлечь нас в войну вместо того, чтобы удержать».

В широкие круги американского общества обеспокоенность нацизмом в Европе и японской агрессией в Азии стала проникать лишь в 1937 году. Это позволило Рузвельту несколько освободиться от пут нейтрализма, от преобладающего давления изоляционистов, приступить к более активной и конструктивной политике. Начиная с 1937 года видны постоянные и нарастающие усилия Рузвельта, рассчитанные на воздействие в отношении взглядов американцев. Опасность лежит не где-то, а исходит от определенных сил. Эти силы концентрируются, находят связи между собой. Бездействие потенциальных жертв провоцирует агрессоров.

В середине 30-х годов западное крыло Белого дома было перестроено и приняло современный вид. После нескольких покушений процедура контактов с президентом стала более жесткой. В 30-е годы произошла чрезвычайная концентрация президентской власти, резко расширился ее объем. Общенациональные программы «нового курса» делали Белый дом центром принятия ощутимых повсюду мер, президент становился распорядителем многих судеб. Франклина Рузвельта восхищала эта растущая власть. Наверное, для того, чтобы как-то сократить дистанцию между собой и публикой, он приглашал к себе в утренние часы все большее число людей. При этом реже становятся его контакты с природой — что для человека, выросшего в поместье, было существенно. По сотне раз на день Рузвельт выглядывал из окна на газон и деревья южной части Белого дома, его радовала любая погода, любое время года.

Большую часть дня Рузвельт проводил в своем Овальном кабинете. Именно сюда в час подавали ланч. Президент обычно приглашал лишь одного сотрапезника. Отчасти из опыта и наблюдений, отчасти инстинктивно, Рузвельт пользовался преимуществами своего поста. Честь обедать тет-а-тет с президентом «разоружала» приглашенного. В то же время машина слухов и сплетен работала безостановочно, и президент постоянно давал ей пищу. Франклин Рузвельт являлся прирожденным мастером производить впечатление, он никогда не был одинаков и прилагал усилия безотносительно — находился ли рядом с ним посол крупной страны или почти случайный посетитель. Это искусство всегда было его мощным оружием, и он довел его до возможного совершенства.

«Ни один президент, — пишет Р. Тагвел, — не имел более тонкого понимания сложного механизма человеческих отношений.

Он наблюдал, как его подчиненные играли в свои собственные игры; останавливал их, когда это было необходимо; помогал им, когда это было удобно; эффективно наказывал своим невниманием, вознаграждал, делаясь самыми сокровенными мыслями. Приглашение прибыть на ланч часто было одной из таких наград. Каждый член администрации знал, что Гарольд Икес, Генри Уоллес или Джесс Джонс обедают вместе с президентом и каждый думал о том, что это означает для его интересов».

По мере того как день шел на убыль и посетители требовали все больше сил для того, чтобы их очаровывать, президент начинал уставать. Между половиной пятого и пятью принимался последний из приглашенных. Рузвельт подписывал стопку неотложных, отобранных секретаршей Мисси Лихенд, документов и требовал привезти свое кресло. Президент отправлялся в бассейн и на массаж. Перед ужином приходили приглашенные на вечерний коктейль. Его подавали в Овальном кабинете. Рузвельт больше всего любил эти минуты, когда он был раскован и видел близких людей. Заботы дня, казалось, отступали, и президент не спешил давать знак к ужину. Обычно ужинали в Белом доме довольно поздно. Затем иногда президент звал своих гостей посмотреть кино или сыграть в карты — все в том же Овальном кабинете.

Со временем Рузвельт все больше привыкал работать и после ужина. Не ранее полуночи он отпускал домой помощников, а сам откидывался на подушки с детективным романом. Рузвельта спасал от нервного истощения глубокий и чаще всего безмятежный сон.

Пиком лишения исполнительной власти внешнеполитической инициативы может, видимо, считаться 1935 год, когда был принят закон об эмбарго на торговлю оружием с воюющими странами и целый ряд других ограничительных законов. Дорогу между 1935 и 1939 годом Гитлер прошел, ведя мир ко Второй мировой войне. В эти годы Япония встала на путь агрессии. Соединенные Штаты медленно высвобождали свои силы для выхода на международную арену.

Именно в то время, когда Германия начала открыто отказываться от ограничений, наложенных на нее Версальским договором, Рузвельт предпринял попытки наладить отношения с этой страной. Как и Вильсон до него, он стремился выйти на главную для Соединенных Штатов — европейскую арену, устанавливая связи с обеими противостоящими сторонами: англо-французами

и немцами. Правда, нужно сказать, что попытки нахождения контактов с немцами не заняли много времени. Но в этом виновата не рузвельтовская дипломатия, а сугубо враждебное отношение Германии к Америке, той стране, которая, согласно фашистской доктрине, нанесла удар в спину Германии в 1917 году и союз с которой был практически невозможен. Тем любопытнее для нас попытки Франклина Рузвельта найти подходы к Берлину на ранней стадии германского реваншизма в марте 1936 года. В этом месяце он попросил своего старого друга — известного бизнесмена С. Фуллера, имевшего важные связи в Германии, встретиться с Гитлером и министром финансов Шахтом и обсудить возможности совместного двустороннего решения экономических проблем.

Представляет интерес, что улучшение американо-германских отношений виделось Рузвельтом в своеобразной сделке за счет третьих сторон. Он просил Фуллера узнать у вождей рейха, возможно ли достижение широкого соглашения по экономическим, финансовым и торговым вопросам, основной идеей которого было бы удовлетворение желания Германии получить сырьевые материалы посредством передачи ей прав на некоторые колониальные владения. Какие именно колониальные владения — не уточнялось, но можно себе представить, что речь шла о колониях, захваченных союзниками у Германии в период Первой мировой войны. Но даже Рузвельт ясно представлял себе степень сомнений Гитлера в возможности для США снова стать фактором на европейской политической арене — уж слишком очевидным было преобладание изоляционистов внутри Соединенных Штатов. Это делало бессмысленными для германского руководства попытки американской администрации установить двустороннее взаимодействие.

Своеобразным показателем того, что Рузвельт не оставлял надежды укрепить свои позиции в Европе, является его отношение к численности дипломатического персонала США в европейских странах. В то время как изоляционисты требовали максимально сократить штат посольств, Рузвельт занял диаметрально противоположную позицию. Он внял словам посла США в Англии Бингхэма, обеспокоенного тем, что отсутствие американских дипломатов в это роковое время изменения соотношения сил в Европе может дорого обойтись Америке. Рузвельт лично попросил многих дипломатов оставаться на своих постах.

Пытаясь искать каналы воздействия на Германию — растущую силу европейской политики, Рузвельт не терял надежды упрочить свои позиции в Париже и Лондоне. Когда весной 1936 года стало очевидным экономическое ослабление Франции, президент Рузвельт посчитал целесообразным найти способы укрепить Францию, поддержать ее решимость противостоять Германии. В июне 1936 года французский премьер-министр Леон Блюм секретно информировал президента, что «ослабление позиции французского франка прямо ударит по союзным связям с Польшей, Голландией и Бельгией и, более того, приведет к свертыванию этих связей». Рузвельт заявил, что Европа нуждается в сильной Франции, в закрытых письмах он пообещал оказать содействие в девальвации франка для того, чтобы ситуация не изменилась резко в пользу Германии. Мы видим, что на данном этапе, несмотря на связанность своих рук конгрессом, Рузвельт все же сумел нащупать несколько болевых точек европейской политики.

Но дипломатическая разведка это одно, а реалии американской жизни и полное господство той части правящего класса, которая не считала пока возможным для Соединенных Штатов выходить на арену мировой политической борьбы, — другое. В своей европейской политике Рузвельт пришел к пониманию того факта, что спешить — означало рисковать подрубить основание всего дела достижения Америкой ключевой международной позиции. Поэтому, отражая и нежелание американского общества идти на внешнеполитические авантюры, и ненависть населения к войне как таковой, Рузвельт придерживался изоляционизма в плане того конфликта, который охватил Европу во второй половине 30-х годов. Особенно это ощутимо по отношению к гражданской войне в Испании, когда Рузвельт ничего не сделал для оказания помощи испанской республике. Даже убедившись, что она в результате нападения фашистской Италии и нацистской Германии, Рузвельт тем не менее выступил против открытого участия США в конфликте, против помощи республиканской Испании в этот трагический для нее час.

Чтобы ни у кого не было сомнения в его понимании трагизма складывающейся ситуации, президент выступил с речью в Чатокуа 11 августа 1936 года. Рузвельт пообещал сделать все возможное для предотвращения подключения Америки к внешнеполитическим авантюрам, для избежания ее участия в войне.

«Я видел войну, я видел войну на земле, на море. Я видел кровь, текущую из ран. Я видел людей, задыхающихся от поражения

газом. Я видел мертвых, лежащих в грязи. Я видел разрушенные города. Я видел, как сотни людей, полностью истощенных, погибают, уходя с передней линии фронта, — остаток полка в 1 тысячу солдат, которые начали атаку за 48 часов до этого. Я видел умирающих детей. Я видел агонию матерей и жен. Я ненавижу войну».

Успех этой речи, а успех был необычайным, показал Рузвельту, что страна не желает участвовать в авантюрах за границей. И потребовались еще несколько лет, в течение которых ось Берлин — Рим — Токио развязала мировую войну, чтобы Соединенные Штаты вышли из изоляции. О чем думал президент Рузвельт в августе 1936 года? Завесу несколько приподнимает обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Артур Крок, которого президент пригласил провести вечер в своей загородной резиденции — Гайд-парке. Рузвельтом, по словам Крока, владели замыслы мирового масштаба: «Необходимо созвать международную конференцию глав наиболее важных наций мира».

Конечно, ему придется преодолеть внутри страны значительную оппозицию, но «если избиратели на выборах поддержат его в очередной раз, то у него будут хорошие шансы для того, чтобы реализовать эту инициативу».

Каковы были препятствия на пути созыва этой конференции? Рузвельт полагал, что самой неопределенной величиной в современной мировой политике является нацистская Германия. Поэтому тогда же в августе 1936 года он попросил своего посла в Берлине Уильяма Додда «узнать самым секретным образом, можно ли сделать так, чтобы я обратился к Гитлеру с личным секретным вопросом: определить границы германских пожеланий на протяжении, скажем, будущих 10 лет». Рузвельт стремился знать направление германских амбиций, пределы этих амбиций, что они означают для Соединенных Штатов и, в более широком плане, можно ли полагаться на Германию, если дело дойдет до созыва некоего форума главных действующих сил на мировой арене. К идее такой встречи Рузвельт подходил не только абстрактно. В эти же дни одному из своих политических знакомых он детально излагает идею «встречи глав семи великих держав». Как пишет А. Крок, президент Рузвельт находится во власти этой идеи, «он возвращается к ней очень часто, и видно, что его интересуют проблемы мирового лидерства».

С германской инициативой Рузвельта, как и можно было предполагать, ничего не получилось. Это стало ясно довольно быстро.

«Как только я сделал намек по интересующему вас вопросу, — сообщает посол Додд президенту, — фюрер сразу же повторил германские требования в отношении экспансии и колоний. Фюрер сказал, что не станет участвовать ни в какой мировой конференции, если не будет денонсирован русско-французский договор 1935 года». Эти донесения Додд послал 31 августа 1936 года. Он продолжал свои попытки еще в сентябре и октябре, но они лишь укрепили его скептицизм. «Стало ясно, — пишет он, — что немцев и итальянцев интересует контроль над всей Европой, а мирную конференцию они рассматривают как препятствие на пути к реализации этих планов».

Сложности, возникшие на европейском континенте, заставили президента Рузвельта искать иные направления приложений американского динамизма. Собственно, реальной альтернативой Европе была лишь Восточная Азия. Осенью 1935 года Рузвельт изложил кабинету министров некоторые свои мысли по поводу того, что Америка могла бы сделать в тихоокеанском регионе. Президент выдвинул идею созыва конференции тихоокеанских стран, которая должна была бы обсудить актуальные политические процессы в этом регионе. В частности, проблему разоружения «практически всех стран тихоокеанского бассейна, за исключением Японии, Австралии, Новой Зеландии и Сингапура. Это сделало бы Филиппины, Шанхай, Гонконг, голландскую Ист-Индию, британское Северное Борнео и другие важные места нейтрализованными». При этом президент заметил, что у него нет намерения включить в зону разоружения американские Гавайские острова, но если бы Япония настаивала, то он готов ввести в зону нейтрализации американское Самоа и часть Аляски, которая лежит ближе всего к Японии.

Рузвельт довольно долгое время не оставлял еще более масштабной идеи — идеи созыва конференции ведущих стран мира, и его беседы и переписка конца 1936 и начала 1937 года убедительно говорят нам об этом. Он просит своего министра финансов Г. Моргантау сделать запрос Н. Чемберлену — британскому министру финансов по поводу возможности совместного рассмотрения глобальных проблем. И он обсуждает с окружающими степень реальности созыва конференции в весьма узком составе — пяти или шести (мы видим уменьшение первоначальной цифры) стран.

«Если я смогу собрать такую конференцию, — говорит Рузвельт Моргантау, — я просто обрисую складывающуюся ситуацию

перед руководителями этих государств, попрошу их удалиться в близрасположенное здание, чтобы приложить совместные усилия, и мы найдем компромисс. При этом если бы одна из стран отказалась согласиться с мнением большинства, то ей был бы объявлен общий бойкот».

Самонадеянной видится эта инициатива ныне, когда мы пытаемся оценить из исторического далека ситуацию конца 30-х годов. Ни страны «оси», ни Англия, ни Франция не были готовы к такого рода арбитражу со стороны Америки. Разумеется, и Япония отвергала всякую попытку подобного посредничества. Но нам в данном случае важна линия рассуждений Рузвельта. Он, несомненно, увлечен идеей превратить Соединенные Штаты в главного арбитра международной арены. Напомним, что эта инициатива выдвигалась в феврале 1937 года — задолго до того, как США в ходе мирового конфликта установили прямые контакты с руководителями важнейших держав.

Проводившаяся в 1937 году дипломатическая разведка показала Рузвельту, что представители двух все более противостоящих друг другу лагерей не расположены искать развязки своих противоречий на пути компромисса. Не только новые вожди нацистской Германии, но и английские, а также французские политики выразили свой скептицизм по поводу целесообразности проведения подобных мирных переговоров.

Были и специфические пункты противоречий у США с этими державами. Так, Англия полагала, что предложения о нейтрализации ряда стран в бассейне Тихого океана не соответствуют ее интересам. Англичане, собственно, еще не выбрали, на кого они будут в будущем полагаться на Тихом океане — на США или Японию — и старались увеличить свои активы в Японии. Ясно было также, что англичане не исключили для себя возможности опираться на Соединенные Штаты как на союзника в будущем. В Лондоне видели политическую скованность американского правительства и поэтому там предложили (по тому же каналу, что создал Рузвельт, а именно — каналу контактов Чемберлен — Моргантау) добиться изменения актов о нейтралитете. В марте 1937 года Чемберлен писал Моргантау: «Правительство Его Величества считает, что величайшим вкладом Соединенных Штатов в стабилизацию обстановки в настоящий момент было бы изменение существующего законодательства о нейтралитете». Это было пустое благое пожелание. В свете связанности президента

изоляционистским законодательством следует сказать, что низжайшая точка влияния Соединенных Штатов на мировые дела приходится именно на период 1937–1939 годов.

На протяжении первой половины 1937 года президент Рузвельт еще продолжал выдвигать новые инициативы, но уже заметно, что эта активность убывает. Рузвельт, чувствуя, что отдаляется от желательного для себя направления, предлагает несколько экзотических идей. Так, в апреле 1937 года он совершенно конфиденциально запрашивает Берлин, как отнеслась бы Германия к предложению уничтожить все наступательное оружие в мире. В июне 1937 года он пригласил Невилля Чемберлена, который к этому времени стал премьер-министром Англии, в Вашингтон для бесед с целью создания «более здравых условий в мировом сообществе».

Тогда же Рузвельт направил Джозефа Дэвиса, богатого демократа вильсоновского толка, своим послом в Москву, чтобы, как он сформулировал, «завоевать доверие Сталина». Начиная понимать, что СССР — растущая сила на международной арене, Рузвельт в июне 1937 года ликвидирует в государственном департаменте крайне антисоветски настроенный отдел восточноевропейских проблем.

Однако эти инициативы едва ли способствовали возвышению авторитета Америки в мире. Причиной была не только их надуманность, но и реалии международной жизни: США не сумели противостоять Японии в Китае. Седьмого июля 1937 года японские войска возобновили наступление на центральные районы Китая, и Соединенные Штаты даже в «войне слов» оказались неспособными произвести впечатление на мир. Государственный департамент провозгласил необходимость мирного разрешения спорных вопросов. Американская администрация в данном случае не имела в виду ничего конкретного, а это означало, что Китаю реальная помощь предоставлена не будет. Посланное шестидесяти государствам заявление госдепартамента с просьбой огласить свою приверженность мирным целям быстро вызвало положительный ответ большинства наций, в том числе Германии, Японии и Италии. Только маленькая Португалия выразила возмущение по поводу того (как говорилось в португальской ноте), что «правительство США странным образом пытается свести решение сложных международных проблем к поискам расплывчатых формулировок». Позицию португальской дипломатии

можно было расценивать как угодно, но в ее ответе содержалось значительное зерно истины.

Рузвельт пытался развить свою инициативу, используя положительный ответ мирового сообщества. Он обратился к Муссолини с благодарностью за выраженное желание «мирным образом стабилизировать международную обстановку». Рузвельт говорил комплименты дуче, который уже определял Средиземноморье исключительно как «нострамаре» — «наше море» и который видел в жестах американцев лишь благоглупости.

Фиаско словесных изощрений Вашингтона стало наиболее наглядным, видимо, в августе 1937 года, когда японские войска начали полномасштабное наступление в Центральном Китае. Уместно напомнить, что в это время в Китае находилось 2300 американских солдат — в Пекине, Тяньцзине и Шанхае, где располагались американские миссии, — и именно в тех местах японцы начали кровопролитные бои. Рузвельт колебался в поисках ответа от полной пассивности до малых жестов. Было объявлено о посылке еще тысячи военно-морских пехотинцев в Китай «для защиты жизни и собственности американских граждан». Как помощь Китаю это был совершенно пустой жест, да президент и не пытался представить его в качестве военной поддержки жертвы агрессии. Единственное, что еще достойно упоминания — это зондаж возможностей склонить англичан к совместным действиям по умиротворению японцев в Китае. Но и на этом пути Рузвельт, как и глава госдепартамента Хэлл, объявил о своей склонности «сотрудничать на параллельных, но независимых направлениях». Это означало, что, даже пытаясь заручиться английской поддержкой, Рузвельт не обещал собственного энергичного воздействия на японцев. У англичан были свои планы в отношении Японии, они и на этом этапе не исключали возможности сближения с ней и не выступили лидером поддержки китайского сопротивления.

Рузвельту в такой ситуации оставались лишь слова, и первое из серии сильных и памятных слов, произнесенных в период заметного ослабления позиций США в мире, было сказано 5 октября 1937 года в Чикаго. Это знаменитая речь о карантине. «Эпидемия мирового беззакония распространяется, — сказал президент. — Когда эпидемия заразных болезней начинает расширяться, люди обычно создают ту или иную форму карантина для пациентов с целью предотвращения заражения всего сообщества данной

болезнью, так же должно быть сделано и в отношении сохранения мира... Мир, свобода и безопасность 90 процентов мирового населения поставлены под угрозу остальными 10 процентами, грозящими сокрушить весь международный порядок и международную законность. Разумеется, 90 процентов, те, кто хочет жить в мире в условиях законности и руководствуясь моральными нормами, которые получили почти всеобщее признание на протяжении столетий, могут и должны найти некий способ для возобладания своей воли». Данная речь была многими воспринята как показатель изменения позиции США, возникновения у американского руководства решимости противодействовать агрессорам в Европе и Азии.

Через неделю после речи о карантине заинтригованный министр иностранных дел Англии А. Иден запросил о ее «точной интерпретации». Он хотел знать, не следует ли предполагать появление возможности совместного бойкота Японии. Понимая, что Гонконг и Сингапур недолго продержатся в случае победы Японии в Китае, английская дипломатия этой осенью начинала склоняться к более решительным антияпонским действиям. В свете этого Лондон и запросил американскую столицу, в какой мере Америка «может предоставить помощь Китаю или оказать воздействие на Японию» — что было бы единственным действенным средством повлиять на агрессора. Рузвельт не откликнулся на английский запрос, он отверг всякое предположение о том, что Соединенные Штаты могут организовать конференцию в Вашингтоне. Смехотворным ныне кажется неожиданное предложение Рузвельта: пусть Бельгия возьмет на себя инициативу в этом деле. Пожалуй, Бельгия, как никто в этом мире, была далека от японо-китайского конфликта.

Но своими словами о карантине Рузвельт все же возбудил общественный интерес к проблеме. Он вынужден был в возникшей ситуации отвечать на ту критику, которая слышалась и внутри страны и извне. Двенадцатого октября 1937 года он в очередной «беседе у камина» напомнил стране: «Между 1913 и 1921 годами я лично был в самом центре мировых событий и в этот период я многому научился — что нужно делать и чего не нужно делать».

Не только в Лондоне гадали о значимости рузвельтовского «карантина». Из своего уединения бывший советник президента Вильсона полковник Хауз также запросил президента, что конкретно тот имеет в виду? Рузвельт, никогда не оставлявший

письма Хауза без ответа, вынужден был пожаловаться тому, что, «как обычно, нас бомбардирует пресса Херста и других» и что в целом администрация попала в неловкое положение. Это неловкое положение проистекало из общего неблагоприятного для активной внешней политики климата в Соединенных Штатах. Между тем уже возникла фракция, которая считала, что США не могут оставаться в стороне в то время, когда открываются такие возможности для страны. Один из лидеров республиканцев-интервенционистов Генри Стимсон написал президенту 15 ноября 1937 года, что Соединенные Штаты имеют огромные интересы в Китае и поэтому должны возглавить здесь инициативу по противодействию японцам. «Мы с вами полностью согласны со Стимсоном, — сказал Рузвельт государственному секретарю Хэллу, — но мы все же пока не можем дать ему ответ».

Нужно сказать, что речь о карантине все же имела не только риторические последствия. Запросы англичан, а еще более некоторое изменение английской позиции в отношении Японии, позволили проложить первую, пока еще малоприметную тропу между Лондоном и Вашингтоном. В самом конце 1937 года, а именно 16 декабря, президент Рузвельт попросил посла Британии сэра Роберта Линсея об организации «систематического обмена секретной информацией» между американскими и английскими военными специалистами. С американской стороны последовала просьба об обмене мнениями по поводу выработки планов на случай возможной совместной блокады Японии. Президент заявил своим министрам, что Соединенным Штатам и Англии следовало бы иметь общую позицию противодействия Японии и создать линию обороны, проходящую от Алеутских островов до Сингапура. С его точки зрения, такие действия могли бы поставить Японию на колени в течение одного года. Из американских и английских дипломатических шагов видно, как постепенно возникает взаимопонимание в отношении того, что нужно делать на Дальнем Востоке. Англичане почувствовали слабость своих морских коммуникаций здесь, американцы же ощутили тревогу за свою колонию Филиппины. Разумеется, полная победа японцев в Китае сместила бы баланс сил в Азии и поставила бы под угрозу интересы обеих англосаксонских держав.

Начиная с 1937 года в Японии была развернута грандиозная программа военно-морского строительства, при этом ВМС США в Токио рассматривали, главным противником. Возглавивший

военно-морской флот адмирал Ямамото видел в войне с США логический итог развития американо-японских отношений. Этот герой империалистических кругов Японии, который создал план нападения на Пирл-Харбор, в дни своей юности написал в 1901 году прошение о зачислении его в военно-морскую академию с четко определенной целью: «Ответить на визит в Японию commodora Перри». Это был тот период в американо-японских отношениях, когда казалось, что американская сторона потеряла надежду создать в Азии оплот своего влияния, когда она не видела возможности противостоять японцам на азиатском континенте. Китай был, по существу, выдан империалистическими державами Японии. О союзе с единственно надежной силой, готовой встать на пути агрессора (и вставшей в 1937–1938 годах у озера Хасан и позднее на Халхин-Голе), — союзе с СССР у американской стороны планов не возникало.

Нет сомнения, что японская военщина находилась в эйфорическом периоде своего «триумфа» в Восточной Азии. Восемнадцатого ноября 1938 года американское правительство получило из Токио ноту следующего содержания: «Твердым убеждением японского правительства является то, что в свете новой ситуации, быстро складывающейся в Восточной Азии, любая попытка прилагать к сегодняшним условиям и к ситуации будущего неприменимые идеи и принципы прошлого не будет способствовать ни установлению действительного мира в Восточной Азии, ни решению насущных проблем».

Это было грубое указание на то, что соотношение сил в спорном районе изменилось, и Соединенным Штатам придется так или иначе смириться с новым положением.

В этот последний предвоенный 1938 год президент Рузвельт сделал два вывода из общего обзора мировой обстановки. Во-первых, она была, с его точки зрения, стабильна. Во-вторых, она не давала Америке особых шансов на мировое возвышение.

Первый вывод базировался на убеждении, что Германия после Мюнхена займется консолидацией своих позиций в Центральной Европе, а совокупные силы Англии и Франции (плюс союзные страны в Восточной Европе) будут уравнивать ее в Европе в целом. Война в Испании близилась к победе Франко, а это, взятое вместе с антисоветизмом Польши и Румынии, поддерживаемых в данном случае основными западноевропейскими странами, означало изоляцию левых сил, изоляцию СССР — то,

что потом получило название «сдерживание». Что касается азиатско-тихоокеанского региона, то, чувствуя опасения Англии, Франции и Голландии, военную вовлеченность колоссального Китая, Рузвельт считал маловероятным бросок Японии «против всех». Помимо прочего, Япония очень зависела от сырьевого импорта, а этот импорт шел из США и колоний западноевропейских стран. Едва ли завязшая в Китае Япония осмелится бросить вызов всем враждебным ей силам.

Второй вывод вытекал из первого. В мире не было того «вакуума», куда США могли бы направить свою бьющую через край энергию. Статус-кво не давал особых шансов на такой поворот в международных отношениях, при котором Соединенные Штаты могли бы перенять у Европы положение определяющего центра мировой политики.

Рузвельт постарался сгладить некоторые острые углы в зоне своего влияния — Латинской Америке, и эта зона, «свое полушарие», давала Америке основные необходимые для американской экономики виды сырья. В других регионах США не располагали такими возможностями для влияния.

Как последнюю агонию идеи созыва ведущих мирных держав следует рассматривать так называемый план Уэллеса, заместителя государственного секретаря, одобренный президентом 11 января 1938 года. Согласно этому плану, следовало предложить правительствам великих держав прислать своих дипломатических представителей в Белый дом для обсуждения способов снижения напряженности в мире, нахождения равных экономических возможностей для всех наций. В случае принятия ими этого предложения, Рузвельт обещал создать комиссию из девяти стран по выработке соответствующих рекомендаций. Это было отвлеченное теоретизирование. Германия и Италия все откровенней посягали на статус-кво в Европе, а Япония — в Азии. И агрессоров не интересовали надуманные вашингтонские инициативы. К началу осени 1938 года Германия поставила вопрос о Судетах во всей остроте.

Пытаясь помочь западным демократиям, Рузвельт отправил 26 сентября 1938 года личное послание канцлеру германского рейха, в котором просил воздержаться от ультиматумов и предлагал созвать конференцию «наций, прямо затронутых текущим конфликтом». Рузвельт предлагал провести ее в любом «нейтральном месте Европы».

Мюнхенская конференция — пик политики примирения — началась через три дня (29 сентября 1938 года) в узком кругу четырех собеседников: Гитлера, Муссолини, Чемберлена и Даладье — при «зияющем» отсутствии чехов и — что очень важно — без приглашения СССР. Первые ее часы доминировал Муссолини — единственный, способный говорить на языках, понятных договаривающимся сторонам. Это была безумная ночь европейской дипломатии. Утром Чемберлен попросил Гитлера подписать декларацию о «желании двух народов никогда не вступать в войну друг с другом снова». Получив этот жалкий листок, Чемберлен объявил, что в нем содержится «мир на все наше время». Тем временем Чехословакия была выдана Германии. Баланс сил в Европе начал клониться в пользу «оси».

Рузвельт ошибочно полагал, что его позиция оказала воздействие на германского канцлера. Гитлер обнаружил уступчивость англо-французов, и именно это сделало его требования бескомпромиссными. Столь же тщетными явились потуги Рузвельта воздействовать на Муссолини. Тот уже давно был в одном лагере с Гитлером. Между собой два фашистских диктатора определили Рузвельта как беспомощного человека. Их не волновало отношение американского президента к еврейским погромам, начатым осенью 1938 года, когда в Германии преследованию подверглись полмиллиона евреев. Между мартом и декабрем 1938 года опросы общественного мнения в США показали увеличение числа сторонников ужесточения иммиграции с 75 до 83 процентов. Рузвельт предпочитал хранить молчание.

Через две недели после Мюнхенского соглашения, чувствуя, что дело в Европе идет к войне, Рузвельт сделал несколько замен в военном руководстве. Заместителем начальника штаба армии был назначен генерал Джордж Маршалл. На первой же встрече с ним президент, обеспокоенный мощным военно-воздушным строительством в Германии, представил программу производства в США десяти тысяч самолетов в год. Пять месяцев спустя, когда в апреле 1939 года Германия оккупировала Чехословакию, Рузвельт предложил генералу Маршаллу стать начальником штаба армии США (в обход тридцати четырех генералов-претендентов). Жена Маршалла послала президенту благодарственное письмо, которое тот хранил: «В течение многих лет я боялась, что его (Джорджа Маршалла. — А. У.) блестящий ум и необычная точка зрения безнадежно будут утеряны в обыденности традиционной

жизни. То, что вы разглядели его способности и облачили его своим доверием, дает мне все, о чем я мечтала и на что надеялась».

Администрация Рузвельта, в свете общей ситуации разгула агрессоров в Европе и Азии, начала увеличивать свой военный потенциал. В январе 1939 года последовало дополнительное ассигнование полумиллиарда долларов военному ведомству. В последующие месяцы — весной 1939 года в Соединенных Штатах наконец назревает пересмотр Закона о нейтралитете. В мае госсекретарь Хэлл выразил намерение правительства позволить державам, ведущим боевые действия, покупать оружие в США. Это означало, в частности, что Китай, жертва японской агрессии, мог рассчитывать на закупки американского оружия — но поставляемого не на американских судах. Довольно неожиданно для Японии Рузвельт поручил государственному департаменту 26 июля 1939 года уведомить ее, что американо-японский договор потеряет свою силу через шесть месяцев. Поскольку импорт из США был очень важен для военной промышленности Японии, эту меру восприняли в Токио довольно болезненно. Через месяц последовало подписание советско-германского договора, а это значило, что у СССР будет больше возможностей помогать жертвам агрессии в Азии. Все это заставило Токио на время принять более примирительную позу в отношении США.

Летом 1939 года Рузвельт пошел на необычный шаг — попросил германского фюрера не вторгаться в малые страны. Как свидетельствует У. Ширер, «депутаты рейхстага взорвались от громогласного смеха», когда Гитлер торжественно пообещал не нападать на Соединенные Штаты. Сенатор Най, известный изоляционист, прокомментировал это так: каков вопрос, таков и ответ.

Информация, имевшаяся в руках президента, говорила о готовности Германии к войне. В середине июля Рузвельт пригласил лидеров конгресса в Овальный кабинет. Госсекретарь Хэлл сидел с ним рядом, когда президент заявил, что шансы англо-французов на выживание — пятьдесят на пятьдесят. Рузвельт попросил конгрессменов изменить законодательство о нейтралитете. Союзникам следовало помочь, Гитлера нужно было сдерживать. «Я расстрелял всю имеющуюся у меня обойму, — сказал президент о своих дипломатических усилиях, — я нуждаюсь в новой обойме». Сенатор Бора остановил эту аргументацию: «В этом году войны не будет. Вся эта истерия сфабрикована искусственно».

Хэлл в отчаянии промолвил: «Я хотел бы, сенатор, чтобы вы оказались в моем кресле и прочли приходящие телеграммы».

В эти напряженные последние дни мира американский военноморской флот впервые провел маневры в Атлантике. Палата представителей ассигновала 500 миллионов долларов на военные нужды. Было решено увеличить число боевых самолетов с 5,5 тысячи до 6 тысяч. Но ни один из этих самолетов не был того же класса, что немецкий «Мессершмитт-109», английский «Спитфайр» или французский «Ньюпор». Под командованием назначенного Рузвельтом в мае 1939 года начальником штаба армии генерала Маршалла было 227 тысяч солдат, имевших в основном оружие образца периода Первой мировой войны. (Именно в это время Дин Ачесон сказал, что «бог опекает детей, пьяниц и Соединенные Штаты».)

Важнейшие дипломатические представители США за рубежом, такие как Буллит (Париж) и Кеннеди (Лондон), адресуют экстренные телеграммы уже только лично президенту. В свою очередь, в течение лета 1939 года Рузвельт предпринял шаги, подготовившие почву для активизации деятельности американской дипломатии, прежде всего шаги, направленные на пересмотр законодательства 1937 года о нейтралитете. Наиболее важным, безусловно, был вопрос об эмбарго на поставки вооружения; 9 августа 1939 года исполнительным приказом президента было создано Управление военных ресурсов под руководством Э. Стеттиниуса.

Летом 1939 года у Рузвельта вызрело мнение, что Германия значительно сильнее своих противников — Польши, Франции и Англии; этим, в частности, объясняются его последние лихорадочные попытки приостановить развитие германских операций. Двадцать третьего августа 1939 года Рузвельт послал королю Италии Виктору-Эммануилу письмо, в котором просил использовать все имеющееся в его распоряжении влияние для внутриевропейского компромисса. А 24-го, буквально через несколько часов, американский президент послал призыв к главам двух противостоящих держав — Гитлеру и президенту Польши Мاستицкому. В этих письмах предлагалось проведение прямых переговоров, арбитража и выражалось желание Америки служить посредником в нахождении обеими сторонами взаимоприемлемого решения спорных вопросов.

Нужно сказать, что собственно дипломаты видели слабость президентской инициативы. В государственном департаменте

могли только качать головой, глядя на послание королю Виктору-Эммануилу, здесь определенно знали, сколь малое влияние он оказывает на Муссолини. А американский посол в Лондоне Кеннеди охарактеризовал послание Чемберлену как ошибочный дипломатический ход. Даже один из ветеранов американской дипломатической службы, близкий к президенту А. Берль, заметил, что все эти «послания» имеют определенную черту наивности. Конечный их эффект оказался именно таков, каким его можно было предсказать. Король Виктор-Эммануил заявил, что его правительство и без того привержено делу мира. Президент Мэстицкий сказал, что готов к любым переговорам. А германский фюрер не удосужился ответить на американское послание.

В этот последний час мира руководители западных держав буквально бросились к Вашингтону. Двадцать второго августа премьер-министр Франции Даладье предложил «всем странам земли послать делегатов немедленно в Вашингтон, попытаться выработать мирное решение в современной грозной ситуации». (Однако даже сам Даладье испытывал сомнения в отношении того, что Германия примет это предложение.) Из Лондона от посла Кеннеди последовали еще более экстравагантные предложения. Здесь хотели, чтобы Соединенные Штаты оказали воздействие на польское правительство, с тем чтобы то сделало по своей воле уступки и тем самым предотвратило войну. Нужно сказать, что Рузвельт и его советники отвергли как французские предложения, так и идеи американского посла в Лондоне. Попытки организовать новый Мюнхен уже не имели цены для агрессоров. Это был не тот путь, идя по которому Соединенные Штаты могли решающим образом вмешаться в европейское развитие или оказать контрольное воздействие на Германию. В эти дни А. Берль записывает в свой дневник:

«Сколь же тонка фабрика, ткань того, что мы называем современной цивилизацией».

Подтверждения этого ожидать осталось недолго.

Но в те времена, когда изоляционистская Америка, казалось, ушла с мировых фронтов дипломатии, когда ее военная сила была сокращена до низжайшего в XX веке уровня, начинается процесс, который самым серьезным образом повлияет на мировую дипломатию середины и второй половины двадцатого века. Речь идет о создании атомного оружия.

В анналах физики и политики первое совместное упоминание об атомном оружии относится к декабрю 1938 года. Мир еще не погрузился в войну, но одно сообщение из Германии вызвало беспокойство тех, кто предсказывал мировой катаклизм. Среди ученых-физиков распространилось сообщение о том, что в рейхе осуществлена управляемая ядерная реакция. Немецкие физики Хан и Штрас, видимо, сами вначале не поняли значимости своего открытия, иначе они не связались бы с переехавшим в США Л. Мейтнером. опыты Мейтнера подтвердили теорию берлинских немцев — распад ядра урана оказался возможен. Открытие получило описание в прессе в январе 1939 года, а уже к концу этого года в научных журналах было напечатано на эту тему более ста статей. Американский историк Д. Ирвинг, исследовав материалы следствия по делу немецких ученых, пришел к двум выводам, почему немцы не создали первыми ядерное оружие.

«Во-первых, потому что проектом руководили на протяжении всего времени его существования ученые, а не воинские офицеры, как в Америке; во-вторых, в Германии упор был сделан на теории».

В то же время небольшая группа эмигрантов из Германии сосредоточилась на возможностях практического применения данного открытия в Англии и в США, хотя и чувствуя острее других исходящую от него опасность. Помимо прочего, они знали о грандиозном потенциале немецкой науки. В Германии тогда было в три раза больше нобелевских лауреатов, чем в США. В их положении оставалось бояться худшего, и поэтому среди эмигрантов проблема обсуждалась чаще всего и более интенсивно.

В июле 1939 года двое таких эмигрантов — Л. Сцилард и Ю. Вигнер обсуждали возможность того, что немцы придадут должное значение возникающей перспективе создать сверхоружие и начнут захват руды с богатым урановым содержанием в Бельгийском Конго. У них появилась идея связаться с А. Эйнштейном, который лично знал бельгийскую королеву и мог предупредить ее о роковой опасности. Но уже через несколько дней ученым стало ясно, что бельгийская королева — не тот адресат, который нужен в данной ситуации. Ныне широко известное письмо Эйнштейна Рузвельту было написано фактически Сцилардом. Этот немецкий физик покинул Германию за день до того, как нацисты перекрыли границы страны, и его любимым афоризмом

было: «Не обязательно быть умнее других людей, нужно быть просто на один день быстрее большинства».

Спустя много лет Эйнштейн говорил Лайнусу Полингу: «Я сделал одну огромную ошибку в своей жизни, когда подписал письмо президенту Рузвельту с рекомендацией создания атомных бомб. Правда, существует некоторое оправдание — опасность того, что немцы сделают их».

Письмо Эйнштейна попало на стол президента далеко не простым путем. Его удалось передать Рузвельту через финансиста А. Сакса, к которому президент периодически обращался за советом. И лишь в середине октября 1939 года подвернулся удобный случай. «Алекс, о чем это?» — спросил президент о самом важном открытии своего времени. Все объяснения специалиста по финансам разбились о глухую стену непонимания. Единственное, чего добился Сакс — это приглашения к президенту на завтрак следующего дня. Весь вечер он провел в поисках наиболее весомых аргументов. Утром президент встретил его вопросом, какие новые яркие идеи владеют им. Саксу не пришло в голову ничего лучше, чем школьный пример о Фултоне, отвергнутом Наполеоном. «Это пример того, как Англия была спасена благодаря близорукости противника». Президент молчал несколько секунд, затем он вызвал своего помощника Уотсона. «Это дело требует действия».

Был создан совещательный Комитет по урану, состоявший из представителей армии и флота, под председательством Лаймена Бригса, директора Национального бюро стандартов. Заслугой Рузвельта в данном случае было то, что он не отдал новые и невероятные идеи на суд одного ведомства. Межведомственная борьба имела и положительные стороны. Перед Комитетом выступили Ферми и Сцилард. Но потребовался еще почти год, прежде чем шок европейского конфликта дал ускорение американским исследованиям.

